

**ДЛЯ
ЧЕСТИ
КРАЯ
НАШЕГО**

К 200-летию со дня рождения Я. П. Бакланова

К 200-летию со дня рождения Н. В. Кукольника

К 180-летию со дня рождения М. И. Черткова

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**РЕЛЬЕФНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАФИКА:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**РЕДАКТОР ПО БРАЙЛЮ
В. И. МАРТЫНОВ**

**ФОТОГРАФИИ:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
Т. Н. КОНДРАТЕНКО**

**БРАЙЛЕВСКИХ ЛИСТОВ: 81
УЧЁТНО-ИЗДАТЕЛЬСКИХ ЛИСТОВ: 3,3**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

СОДЕРЖАНИЕ:

Три не очень известных имени.....
Даджал, Боклю и Дед.....
Крестник Александра I.....
Из старинной дворянской фамилии.....

Встречающиеся в тексте термины поясняются в словаре в конце книги.

ТРИ НЕ ОЧЕНЬ ИЗВЕСТНЫХ ИМЕНИ

История Донской земли сложна и многообразна. Когда-то бескрайними донскими степями проезжали дружинники князя Игоря, рыскали здесь много лет на быстрых конях кочевники, где-то тут проходил Великий шёлковый путь.

По этой земле пронёсся в кибитке легендарный Суворов, ехали объятые думами Лермонтов и Пушкин.

На 2009 год приходятся три юбилея.

Книжка, которую, Вы, уважаемый Читатель сейчас держите в руках, предлагает Вашему вниманию три портрета.

Яков Бакланов.
Нестор Кукольник.
Михаил Чертков.

Все трое – имеют особое отношение к Донскому краю.

Всем троим Донской край должен быть очень благодарен – каждый из них внёс в нашу историю что-то очень нужное.

- Яков Бакланов поднял знамя донского казака на недостижимую высоту.
- Нестор Кукольник развернул жизнь таганрожцев на путь прогресса.
- Михаил Чертков основал на нашей земле город.

Вроде бы деяния очень нужные, но – по большому счёту – остались эти люди в тени.

Для нас, теперешних – это просто XIX век.

Ну, декабристы; ну, польское восстание; ну, отмена крепостного права...

И не думаем мы, что за всем этим – судьбы живых людей!

Вот Яков Бакланов и Николай Кукольник – ровесники.

А вот Михаил Чертков – уже им в сыновья годится.

То есть, разные поколения. Разные оценки того, что «хорошо» и что «плохо». Разные представления о смысле жизни.

Но вот судьбы у всех троих переплелись уж очень интересно.

Бакланов и Кукольник.

14 декабря 1825 года Бакланову и Кукольнику – по шестнадцати лет.

Взрослые парни!

Не зря, видимо, есаул Пётр Бакланов старался держать сына в поле зрения и не давать свободной минутки – дабы никакое «дурацкое волтерьянство» не лезло в голову.

И если Яшка Бакланов больше интересовался мордобоем, чем политикой – то Неська Кукольник даже не получил в связи с этими событиями нормального аттестата зрелости.

То есть, жизнь накладывала отпечаток на всё.

Много позже Бакланов будет служить рядом с генералами Николаем и Михаилом – братьями декабриста Александра Николаевича Муравьёва.

Интересно бы узнать, о чём они разговаривали?

А когда Бакланов прибыл в Вильно усмирять поляков, возможно в этом городе ещё помнили преподавателя русского языка Кукольника.

Кукольник и Чертков.

Кукольник и Чертков – столичные прожигатели.

Оба – приняли самое горячее участие в строительстве Юго-Восточной железной дороги.

Оба – получили блестящее образование.

Нежинская гимназия известна миру не только именем Кукольника. Его одноклассниками числились Николай Гоголь и Евгений Гребёнка (будущий автор слов несравненного романа «Очи чёрные»).

А дом Чертковых в первопрестольной на Мясницкой – это такая (в отношении культуры) роскошь, что юному Мишке можно только позавидовать. У него было детство, просто переполненное потрясающими впечатлениями. И за плечами у Мишеля – Пажеский корпус. То есть, танцевать мазурку и изъясняться по-французски – мог в совершенстве.

Бакланов же – в отличие от них обоих – едва умел писать, какой уж там французский? А в Петербург ему довелось попасть только в конце жизни.

Зато в стрельбе – не было равных!

Бакланов и Чертков.

Бакланов и Чертков вместе воевали.

К сожалению, не нашлось материалов, подтверждающих их близкое знакомство. Но и того, что известно, достаточно: служили в одном укреплении Куринское.

А старшина Бакланов не держал у себя никудышных бойцов.

Хотя сохранилось по поводу Черткова замечание графа Сергея Юльевича Витте: «Он был... человеком маловоенным; как командующий занимался войсками мало».

Как командующий, может быть, и был маловоенным; но воинские ордена, во всяком случае, просто так не дают.

А орденов – что у Черткова, что у Бакланова – хватило бы на троих.

Все они живые люди со своими недостатками.

Всяко бывало.

Кукольнику, к примеру, случалось губить карьеру собратьев-литераторов; Бакланов гордился разорёнными чеченскими селениями; а Чертков не считал за людей малороссов.

Все очень разные.

К примеру – их отношение к семейному очагу.

Бакланов жену практически не видел – провёл жизнь в седле.

Чертков – отбил чужую и (по сплетням) был у неё под каблуком.

Кукольник вообще своей женитьбой всех огорошил.

Итак, Вашему вниманию, уважаемый Читатель, три не очень известных имени, которые заслуживают, чтобы о них стало известно.

ДАДЖАЛ, БОКЛЮ И ДЕД

Честь прадедов-атаманов,

Богатырь, боец лихой,

Здравствуй, храбрый наш Бакланов,

Разудалый наш герой!

Славой, честью завидной

Ты сумел себя покрыть!

Про тебя, ей-ей, не стыдно

Песню громкую сложить

Ты геройскими делами

Славу дедов и отцов

*Воскресил опять меж нами.
Ты – казак из казаков.*

Народная песня

Один из самых красивых проспектов в городе Новочеркасске – широкий, стремительно-прямой, с аллеей стройных деревьев – имени Бакланова. Расположен он в центре, неподалёку от главной улицы, названной в честь легендарного Платова.

«- У тебя сердце жидкое. А баклановский удар знаешь? Гляди!

Чубатый выбрал росиую в палисаднике престарелую берёзку, пошёл прямо на неё, сутулясь, целясь глазами. Его длинные жилистые, непомерно широкие в кисти руки висели неподвижно.

- Гляди!

Он медленно заносил шашку и, приседая, вдруг со страшной силой кинул косой взмах. Берёзка, срезанная на два аршина от корня, падала, цепляя ветками голые рамы окон, царапая стену дома.

- Видал? Учись. Бакланов атаман был, слышал? Шашка у него была – на стоке ртуть залитая, поднимать тяжело её, а рубанёт – коня пополам. Вот!»

Это – «Тихий Дон».

Описание, как бывалый казак Чубатый учит владеть шашкой молодого Григория Мелехова.

А на свадьбе Григория и Натальи увешанный георгиевскими крестами казак не без гордости говорил соседу, что он – вахмистр, воевал на Кавказе под командой самого Бакланова, побывал с ним в турецкой кампании.

Михаил Шолохов не мог обойти вниманием этого человека. Вот так – дважды – поминает он Якова Бакланова

И, пожалуй, это и всё, что советский читатель мог узнать о генерал-лейтенанте Якове Петровиче Бакланове.

А ведь было время, когда имя этого человека по популярности соперничало на Дону с именем атамана Матвея Платова!

Истины ради, заметим, что в истории Дона были генералы, занимавшие куда более высокие посты и участвовавшие в более грандиозных сражениях, нежели Бакланов. Однако именно он оставил такой яркий след в народном сознании.

О нём слагали легенды, сказания и песни.

Именно он остался в памяти живым воплощением всех доблестей, необходимых офицеру-кавказцу.

Объясняется это легко – донцы именно с Баклановым впервые почувствовали себя равными грозным доселе кавказским племенам.

Простотой быта, щедрой душой, бесшабашной удалью он был как нельзя более близок своим подчинённым.

Человек исключительной силы, отваги и мужества, Бакланов отличался добрым характером и вниманием. Узнав однажды, что раненый казак находится в неблизком ауле, он отобрал несколько храбрецов и повёл их в глубь гор. Через три дня отряд возвратился с выреченным пленником.

И верили в него, и боялись, и обожали его казаки! Со своими молодцами-донцами, готовыми жизнь свою отдать за него, за славу Дона, генерал стал страшен всему Кавказу.

Бакланов кидался в самую сечу боя и выходил целым и невредимым, он всегда оставался в строю!

Имя донского казака снова было так же грозно, как и в 12-м году, как во время азовских походов. С уважением говорили о донских казаках сослуживцы, со страхом думали о них враги.

Не случайно сегодняшние защитники Отечества, несущие нелёгкую службу в тех краях, где полтора столетия назад сражался Яков Петрович, считают большой честью удостоиться медали в

честь прославленного казачьего генерала, которую учредила Ассоциация ветеранов подразделений специального назначения «Братство краповых беретов «Витязь».

Казачий генерал Яков Петрович Бакланов, один из колоритнейших героев бесконечной Кавказской войны, идеально вписывается в привычный для Запада образ русского медведя.

Каким он был? Угрюмый великан, неутомимый гонитель горцев, враг политкорректности и демократии в любых их проявлениях.

Но именно такие люди добывали для империи труднейшую победу в многолетнем противостоянии с жителями Северного Кавказа и неласковой местной природой.

Конечно, кое-что, со временем было приукрашено: возможно, Яков Петрович и не рубил «коня пополам» одним ударом шашки. При всей мощи богатыря – шашка всё-таки не двуручный меч.

Но вот с четырьмя черкесами, засевшими в засаде, Бакланов как-то умудрился справиться. Горцам удалось уложить под ним лошадь, однако спешившийся казак свалил двоих неприятелей из дустволки, а других заставил бежать.

И не так уж много найдётся во всей русской армии военачальников, чья слава бы так гремела не только на Дону, но и на всём Кавказе!

Даже спустя много десятилетий после кончины Якова Петровича у чеченцев в ходу была поговорка: *«Не хочешь ли убить Бакланова?»*

Этот странный вопрос насмешливо адресовался безнадёжным хвастунам, ибо убить Бакланова в бою – как убедились воинственные горцы в десятках больших сражений и малых стычек – оказалось не под силу никому. Он нередко получал ранения, но всегда с невероятным мужеством переносил их, оставаясь на ногах даже после большой потери крови; отчего черкесы и чеченцы считали его заговорённым от смерти – убить его можно только серебряной пулей – да и то – бабушка надвое сказала...

Этот богатырь – рост 2 метра и 2 сантиметра – внушал врагам панический суеверный страх.

Он был воистину непобедим.

Как-то вражеский стрелок задел ему плечо.

- *Ваше благородие, вы ранены,* - заметил ординарец.

- *Ты за боем наблюдай,* - скрывая от всех ранение, ответил командир.

Пуля перебила ключицу, разворотив тело, вышла на спине. Но Бакланов слез с коня, лишь когда кончился бой.

В другой раз казачий отряд под командованием войскового старшины возвращался в крепость после рейда по чеченским тылам. Внезапно с вершины высокого утёса грянул выстрел. Командир остановил коня и, прикрываясь рукой от солнца, стал вглядываться ввысь. На скале появился чеченец. Хохоча, он принялся выкрикивать в адрес казаков оскорбительные фразы. Расстояние между противниками было так велико, что человек на вершине утёса казался маленькой чёрной точкой.

- *А ну, молодцы,* - обернулся к казакам войсковой старшина, - *сбейте мне этого крикуна!*

Дружно загрохотали выстрелы. Однако, когда пороховой дым рассеялся, выяснилось: чеченец по-прежнему невредим. Пользуясь своей неуязвимостью, он продолжал хохотать, и горное эхо далеко разносило его издевательский смех.

- *Урус-камьш!* - вопил горец. - *Плохо стрелять!*

- *Нешто его достанешь,* - оправдывались казаки, - *эво куда забрался, окаянный! Пули не долетают...*

Густые брови войскового старшины грозно нахмурились.

- *Горцы стреляют хорошо,* - строго сказал он, - *но вы – казаки, и вам сам Бог велел стрелять лучше.*

С этими словами он сорвал винтовку с плеча и, перекинув её в левую руку, выстрелил. Чеченец покачнулся и рухнул в пропасть. Несколько мгновений стояла тишина, взорванная затем громким «Ура!».

- *Вот это фокус!* - поразился один молодой казак. – *Из левой руки! Даже не целясь!*

- *Эх ты, дурья голова,* - упрекнул его пожилой сотник, - *это же сам Бакланов. Не зря чеченцы называют его дьяволом.*

«Даджал» – «дьявол» – было обычным наименованием.

А ещё – «шайтан Боклю», по аналогии с русским «Бакланов» и чеченским «лев».

А ещё – «Батман-клыч» – богатырь с пудовым мечом.

Известный враг советской власти атаман Пётр Николаевич Краснов так описывал внешность чтимого им Бакланова: *«Он и лицом, и сложением был грозен. Лицо его было изрыто оспой, громадный нос, густые, нависшие на глаза брови, глаза, мечущие молнии, толстые губы и бакенбарды, вьющиеся по ветру».*

А цензор Александр Васильевич Никитенко, автор известных мемуаров, увидев его уже в старости, выразился ещё определённое: *«На физиономии Бакланова как будто отпечатана такая программа, что если он хоть четвертую часть её исполнил, то его десять раз стоило повесить».*

Под командованием Бакланова казаки не боялись нападать на врага, многократно превышающего их по численности. В сражении на речке Яман-Су три сотни казаков одержали победу над чеченской конницей численностью более 600 человек. В этом бою под Баклановым было убито пять коней!

А вскоре две сотни баклановцев наткнулись на чеченский отряд в 800 воинов.

Выхватив из рук ординарца пику, Бакланов с криком «Вперёд!» понёсся во главе своих казаков на неприятеля.

Историк XIX века Василий Александрович Потто, ссылаясь на рассказ чеченца, свидетеля этой невиданной битвы, пишет: *«...Мы увидели огромного всадника, скакавшего со страшной пикой, и когда от дуновения этого всадника (пикой нельзя повалить столько народу) наши чеченцы стали валиться с лошадей, как опалённые небесной молнией, мы побежали назад. Многие из нас узнали голос Бакланова, но был ли то он или сам шайтан в его образе – мы этого не знаем...»*

Легенда о смертоносном дыхании жуткого всадника пошла ходить по Чечне. Многие аулы стали сдаваться без боя.

Свою демоническую репутацию хитрый «даджал» всячески поддерживал.

Рассказывают, что раз пришли к казакам черкесы с просьбой показать им Бакланова. Они хотели убедиться, правда ли, что с ними воюет истинный пособник дьявола?

Дежурный доложил.

- *Что ж,* - усмехнулся начальник, - *проси...* - а сам живо нацепил вывернутый мехом наружу тулуп, засунул руку в печку и сажай вымазал лицо.

Одной баклановской обрзаины было бы достаточно для нужного впечатления, а уж так!

Черкесы вошли, встали в избе у стенки. Яков Петрович поднялся, и медленно стал приближаться к гостям, щёлкая зубами и дико вращая глазами. Испуганные черкесы начали пятиться к дверям и, наконец, с криками «Даджал! Даджал!» бросились вон.

Имам Шамиль пребывал в постоянном бешенстве и однажды бросил своим мюридам упрёк: *«Если бы вы боялись Аллаха так же, как Бакланова, давно были бы святыми».*

Но кроме храбрости и поразительного мужества, казачий вождь обладал и умением быстро ориентироваться в обстановке и принимать верные решения, выучил чеченский язык и создал такую надёжную сеть лазутчиков и информаторов, что очень тщательно спланированные намерения противника зачастую рассыпались в прах.

Главным залогом баклановских побед были его интеллект и уважение к противнику – среди горцев у него было немало друзей.

Он пытался понять психологию чужого народа. Проводил штабные учения с офицерами полка, где отрабатывал взаимодействие в штатных и нештатных ситуациях.

На Кавказ Яков Бакланов попал в 1834 году. Его назначили сотником в казачий полк, несший службу на Кубанской линии.

За плечами уже была русско-турецкая война 1828-1829 годов, где за личную храбрость имелись ордена Святой Анны IV и III степеней.

Однако на Кавказе всему пришлось учиться заново. Наставником молодого офицера стал прославленный военачальник курляндский барон Григорий Христофорович Засс.

Недешево далась наука.

«...Спасибо Зассу и горцам, - говорил Яков Петрович, - они меня научили многому...»

Затянувшаяся почти на столетие Кавказская война создала особый тип офицера.

В условиях борьбы с нерегулярным и подвижным противником храбрость, способность к импровизации, владение информацией и решительность значили куда больше, чем педантичное следование установленным шаблонам. Наибольшего успеха добивались те, кто мог перенять образ действия горцев, полностью погрузиться в местную жизнь и до известной степени сродниться с нею.

Прибалт Григорий Засс и казак Яков Бакланов – два наиболее ярких офицера «кавказского» типа.

Но вот такие вот герои очень долгое время оценивались у нас лишь негативно. Считалось, что упоминание о царских генералах может повредить добрым отношениям с народами Кавказа.

Что говорить сегодня, когда война на Кавказе плавно перетекла из века позапрошлого в век нынешний и превратилась уже во что-то сверхвечное и обыденное...

Но история неоднозначна. Независимо от политической оценки, воинская доблесть остаётся таковой, с чьей бы стороны она ни проявлялась. Это понимали, кстати, и сами горцы, с уважением относившиеся именно к самым решительным и опасным противникам.

Наука Засса и опыт почти ежедневных боевых стычек вскоре сделали из молодого казака отличного боевого офицера. Горячий, порой излишне увлекающийся, он, тем не менее, обладал интуицией, позволявшей верно угадывать критический момент боя и принимать правильные решения.

Настоящую же славу ему принёс бой 4 июля 1836 года.

Увлёкшись преследованием отряда черкесов, казаки оказались перед лицом втрое превосходившего их по численности противника. Отбив в течение часа двенадцать атак и не видя помощи, казаки уже готовились к смерти.

Но Бакланов сумел переломить ход событий, используя психологический фактор, столь много значивший на Кавказе, – когда неожиданно началась гроза и послышались раскаты грома, похожие на пушечные выстрелы, – он крикнул казакам, что идёт подмога, и во главе полусотни врезался в гущу черкесов. Те дрогнули, а вторая полусотня ударила во фланг. Черкесы бежали.

После этого сражения Засс представил молодого сотника к очередному ордену и заметил: *«Если вас не убьют, вы непременно достигнете больших высот».*

С этого момента расположение генерала к способному казачьему офицеру оставалось неизменным. В последовавшей вскоре экспедиции к абадзинским аулам Засс поручил сотнику командовать отрядом, прикрывавшим переправу войск через Лабу. Это ответственное задание Бакланов выполнил блестяще.

Выезжал Яков Петрович обычно одетым не по форме: летом – в красную кумачовую рубаху, зимой – в бурку или огромный тулуп с меховой лисьей шапкой.

Но иногда случалось ему высказывать по тревоге и в одном нательном белье, а иногда – по слухам – и без оногo... В этом отношении он сильно отличался от всегда аккуратного Засса.

Отчаявшись победить Бакланова в бою, Шамиль решил прибегнуть к услугам наёмного убийцы. В ставку призвали самого лучшего стрелка по имени Джанем.

Как и большинство его соплеменников, Джанем считал Якова Петровича дьяволом и потому заказал для своего ружья медные пули, способные – по его мнению – убить любую нечисть.

Сам стрелок непрерывно молился и исполнял загадочные ритуалы суфийского ордена.

Тем временем один из осведомителей донёс Бакланову: *«Шамиль прислал из гор стрелка, который в 50 сажнях, подкинувши яйцо кверху, из винтовки пулей его разбивает. Ты постоянно выезжаешь на курган против оставленной нами за Мичиком батареи, вот в ней будет сидеть тот самый стрелок, и, как только ты выедешь на курган, он убьёт тебя».*

Яков Петрович много позже рассказывал, что сердце его бешено стучало, но не пойти навстречу опасности – значило проявить слабость и уронить авторитет в глазах казаков!

В обычное время он выехал на курган, прихватив с собой свой штуцер. Ждать пришлось недолго. Вскоре за камнями мелькнула папаха Джанема, и раздался выстрел. Чеченец промахнулся. Испуганный неудачей, стал прицеливаться по новой. Однако ледяное спокойствие Бакланова, его пристальный взгляд из-под нависших бровей вселили в стрелка уже панический страх. Рука его дрогнула – вторая пуля пробила край баклановского полушубка.

Яков Петрович мгновенно вскинул штуцер, грянул выстрел – и поражённый в голову Джанем покатился по камням. Казаки, напряжённо следившие за поединком, разразились радостными криками.

Даже чеченцы не смогли удержать возгласов восторга, отдавая дань уважения великому русскому воину. *«Якши, Боклю!»* - кричали они.

Позже Бакланов говорил казакам о своём противнике: *«Он непременно убил бы меня, если бы считал обычным человеком».*

А родился этот необычный человек 15 марта 1809 года в небогатой станице Гугнинской (15 вёрст от Цимлянска).

Отец его Пётр Семёнович был простой казак, мало разумевающий в грамоте, зато честный и храбрый. Всё его достояние состояло из деревянного домика и нескольких десятин земли.

Мать Устинья Малаховна Постовалова родилась в соседней станице Терновской – ещё более бедной и малочисленной, чем Гугнинская, и потому семейство Баклановых жило очень скромно.

Отец поначалу служил в рабочем полку «кочуром» (это был своего рода казачий стройбат, занимавшийся земляными работами на территории Войска Донского – возведением Новочеркаска). Даже являться на службу он был обязан не с пашкой, а с «качком» – одноконной тачкой для перевозки земли и прочих материалов.

Таким образом, хлеб насущный батюшка будущего героя Кавказа зарабатывал тяжким физическим трудом. Однако, наделённый, как пишет о нём Потто, *«самой счастливой богатёрской наружностью и умом»* он был замечен начальством и в 1808 году произведён в хорунжие.

Этот первый офицерский чин тогда сразу давал права потомственного дворянства, а посему маленький Яша появился на свет уже дворянином.

Пётр Бакланов имел мало возможностей для воспитания сына, так что учился жизни будущий герой Кавказа в стародавних традициях – на улице родной станицы с детьми простых казаков.

Наступил 1812 год.

Гонцы, присланные из действующей армии Платовым, объезжали все поселения, извещая, что Наполеон, пришедший с несметными полчищами разорить Россию, похвально пройти её до самых берегов заветного Дона.

«Скорее умрём, чем выдадим Россию и Тихий Дон на поругание поганым французам!» - единодушно отвечали казаки своему атаману.

В считанные недели сформировались 20 казачьих добровольческих полков, которые и прибыли осенью в лагерь русской армии под Тарутино. Никто не ожидал их там, кроме Платова (действо-

вавшего в этом случае тайно), а потому восторг и изумление всех были таковы, что вызвали слёзы умиления даже у самого Кутузова.

Ушёл со своим полком изгонять французов с русской земли и отец Якова.

А будущий гонитель горцев в три года катался на лошади по двору, в пять – гарцевал по станице, а в восемь – уже отправился с отцом на службу в Бессарабию.

Из заграничных походов есаул Пётр Бакланов вернулся с Аннинским крестом на эфесе шашки, тремя жестокими ранами и репутацией одного из храбрейших казацких офицеров.

Вся станица вышла тогда приветствовать воротившихся со славой воинов.

А спустя год Яша ездил с отцом встречать и вернувшегося на Дон атамана Платова, взысканного необыкновенными милостями всех союзных монархов. В обоюдных приветствиях, в живом проявлении древних казацких обычаев, в самой обстановке встречи *«столько звучало неподдельной и искренней казацкой поэзии, - отмечал Бакланов, - что эти минуты решили судьбу моей жизни...»*

Вскоре отец забрал сына с собой в полк, рассудив, что, во-первых – под присмотром Яшка будет; а у полковых писарей (как-никак) да и грамоте выучится, это – во-вторых.

А начинать обучаться воинскому делу казаку никогда не рано.

В общем, сплошные плюсы.

К совершеннолетию Яков в совершенстве постиг науку боя – не было в округе лучшего наездника и джигита, чем он, никто не стрелял так метко, не колол пикой и не рубил шашкой с такой силой.

Снайперская меткость пришла к нему, похоже, с генами: многое унаследовал от деда – «пеглевана-Баклана», могучего казака, которого долго помнили закубанские черкесы, прозвавшие его «шайтан-джегеном» – «дьявол помогает».

А ещё имел Яшка пудовые кулаки.

Обучение же грамоте и наукам ограничилось изучением псалтыря и часослова.

20 мая 1824 года 16-летний Бакланов был зачислен на службу урядником. Спустя год вместе с отцом, командовавшим в том же казацком полку сотней, он отправился в Крым.

Однако его воинская служба была прервана через несколько месяцев самым неожиданным образом.

Однажды, когда (по воспоминаниям Якова Петровича) он дежурил по сотне, ему пришлось самому составлять какую-то рапортичку, не Бог весть какую важную. И тут выяснилось, что вот этого-то молодой казак совершенно не умеет. Обнаружившаяся безграмотность сына столь сильно поразила отца, что он с согласия начальства немедленно отослал его в Феодосию, чтобы в тамошнем уездном училище тот хоть немного подучился.

Но долго грызть гранит науки не пришлось – мать, не успевавшая управляться с хозяйством, настоятельно требовала в письмах, чтобы мужчины прибыли домой, да и невесту сыну она уже присмотрела. А посему в начале 1826 года Яков был обвенчан с дочерью путинского священника Серафимой Анисимовой. С молодой женой побыл он совсем короткое время – труба звала.

К 1828 году Яков Петрович получил погоны хорунжего. Участвовал в войнах против Турции. Отличился в деле под Бургасом.

В боях был храбрым и дерзким, но за излишнюю пылкость, *«вместо похвалы отец дубасил меня нагайкой, приговаривая: «Не суйся в омут, когда отдалён от своей части, а с ней иди в огонь и в воду», - признавался он впоследствии.*

А вот начальство за эти же самые качества награждало орденами.

В 1834 году Бакланов попал на Кавказ под командование Засса. Именно этот период службы принёс удалому казаку наибольшую известность, и помог стать блестящим боевым офицером.

Во второй раз он появился на Кавказе в 1845 году.

Ему доверили 20-й донской полк в укреплении Куринское на левом фланге Кавказской линии.

Бесконечная и кровопролитная война вдали от дома была крайне непопулярна на Дону.

Казаки шли сюда, но – совсем не обученные владеть пикою, шашкою и ружьём; а между тем, тут побеждал тот, кто ловчее рубил, сильнее колол, метче стрелял. Лошади у казаков были плохие, а у горцев – лихие аргамаки, ловкие и быстрые кабардинцы, золотистые карабахи, гордые ахалтекинцы.

Выросшие среди степных просторов, донцы очень трудно привыкали к чужой для них горной местности; уступали линейным (то есть, местным) казакам; болели от тяжёлого климата; гибли, не умея противостоять образу действия горцев.

На этих землях в XIX веке воевали около 100 тысяч донцов, из них в боях полегло 1763 человека, а от болезней скончалось – более 16 тысяч.

Тут нужно было вечно учиться, тут надо было всегда всё держать на примете...

А одной лишь храбростью победить горцев невозможно. Да и удивить их ею сложно.

А не умеющий владеть оружием на плохой заморенной лошади донец – прекрасная добыча для ловкого черкеса-джигита.

Горцы не боялись донцов, смеялись над грозными казачьими пиками и презрительно называли их дротики «камышом».

То есть, 20-й полк отличался крайне низкой боеспособностью.

А раз выходцы с Дона такие бесполезные – их старались пристроить денщиками, вестовыми, ординарцами, конюхами, почтмейстерами. Начальство щедро раздавало казаков штабным офицерам и чиновникам.

Безусловно, новый командир не мог мириться с такой ситуацией – ведь именно на Кавказской войне была сочинена печальная донская песня про чёрного ворона!

Отчаянный Яков Бакланов поставил себе целью развеять миф о непригодности станичников к серьёзным делам на Кавказе. Он беззаветно любил родной ему тихий Дон, он и мысли не мог допустить, чтобы донской казак мог в чём-нибудь уступить линейному!

Он стал делать то, чего до него ещё никто не делал.

Первым делом собрал свой полк – вытребовал со всех станиц, от всех чиновников, из всех штабов казаков своего полка, не остановившись ни перед чьим авторитетом. Естественно, пришлось преодолевать непонимание и открытую неприязнь.

Ввёл строжайшую дисциплину – неоднократно поротый в молодости, не стеснялся ожечь своих подчинённых нагайкой за малейшую провинность.

Никто в Баклановском полку не смел во время боя покинуть ряды; легко раненые должны были оставаться во фронте; те, кто лишился лошади, должны были биться до той поры, пока не добывали себе новой.

В трудные минуты боевой обстановки Бакланов с шашкой в руках первый бросался на своём коне вперёд.

Он был непримиримо строг и безжалостен к трусам и говорил обычно оплошавшему казаку, показывая огромную ручищу: *«Ещё раз трусишь, видишь этот мой кулак? Так я тебя этим самым кулаком и размозжу!»*

Зато за храбрость поощрял всячески. И по возможности всегда берёт своих подчинённых.

За строгий нрав, отвагу, могучее здоровье его называли «Ермаком Тимофеевичем».

Кони казачьи не стояли более худые и заморенные, не знающие чистки и с пропитым хозяином овсом. За одну украденную овсинку начальник мог засечь.

И вскоре лошади в его полку переменялись – радовали глаз силой и ловкостью; и не страшны стали казакам черкесские скакуны; и вскоре сошло на «нет» известное преимущество аборигенов – лучшая адаптация к привычной местности.

Обучать пришлось всему.

Не слишком придерживаясь буквы Устава, Бакланов образовал в своём полку дополнительную седьмую сотню – учебную, где под присмотром самого старшины занимались младшие командиры и пластунская команда для проведения особенно опасных дел. То есть, новоприбывшие на Кавказ донцы обучались специфическим приёмам боевых действий в горах. Были введены тактические занятия, о которых ранее никто и слыхом не слыхивал.

Да и во многом другом Яков Петрович не отличался излишним педантизмом в соблюдении Уставных правил.

Чтобы сберечь казённые средства и побудить казаков смелее идти в бой, он перевёл полк на обмундирование и вооружение исключительно трофейным имуществом!

Форменные чекмени, шаровары, шашки и гладкоствольные ружья лежали в цейхгаузе на случай смотра, а казаки носили снятые с пленных или убитых черкески и щеголяли друг перед другом дорогими кинжалами, шашками и штуцерами.

Один взвод в каждой сотне был снабжён шанцевым инструментом и предметно обучался сапёрному делу. На всю Кавказскую линию прославилась и ракетная команда Бакланова – ракеты того времени из бесполезной обузы превратились в мощное оружие, прекрасно помогавшее там, где не могли пройти пушки.

Понимая, что лучший учитель – практика, Бакланов без устали бросал своих казаков в любые, самые мелкие стычки с горцами.

Яков Петрович лично водил разъезды и приноравливал подопечных разведывать в новой и непривычной для донских казаков горной стране.

Новым стал и сам способ боевых действий: от обороны в крепости Бакланов перешёл к энергичным наступательным операциям по Куринской линии. Прежде всего, он обрушивался как снег на голову тому, кто сам собирался напасть. Затем Бакланов начал проводить более дальние набеги на укрепленные чеченские аулы.

Скрытность движения, быстрота и затем смелый удар – такова была его тактика.

Учил казаков по науке драться – сам великолепно владел искусством рукопашного боя, проявляя его, в том числе, и в схватках со своими сослуживцами.

Сохранилось предание о том, как сослуживцы сочли, что у него имеется сильная протекция и он прислан для продвижения по служебной лестнице в обход и ущерб старожилов.

Молодого Бакланова решено было либо убить, либо искалечить.

Но нашлись и друзья – предупредили.

Под покровом темноты сошлись четыре человека: донской казак и недруги.

Через минуту – другую из палатки вышел один человек.

Это был Бакланов. Трое других долго потом зализывали свои раны и поминали преподанный урок всю оставшуюся жизнь.

А ещё устраивались вечерние беседы с офицерами.

- О храбрости казака, - часто говаривал Яков Петрович на этих беседах, - заботиться не надо, потому что донскому казаку нельзя не быть храбрым, но надо, чтобы этот казак смыслил что-нибудь и побольше одной только храбрости... Покажи врагам, что думка твоя не о жизни, а о славе и чести донского казачества.

Бакланову удалось невозможное.

За короткий срок его полк преобразился.

В 1848 году он стал подполковником, в следующем году был награждён золотой шашкой с надписью: «За храбрость».

Следуя системе Засса, Бакланов создал целую сеть агентов из горцев, сообщавших ему о ближайших планах шамилевских наивов. Для многих русских военачальников даже и в начале XX века многочисленные народы Северного Кавказа оставались сплошной массой «татар и черкесов».

Бакланов же опирался на хорошо отлаженную разведку. Почти всё своё жалование он тратил на материальное стимулирование информаторов. Но затраты окупались сполна. Алчные лазутчики сообщали немало ценных фактов из жизни своих воинственных соплеменников, к которым рано или поздно и приходили донцы.

В сопровождении двух-трёх казаков Бакланов тайно изъездил все окрестности, не раз проникал далеко вглубь враждебных земель. Большая наблюдательность и зрительная память позволяли ему великолепно ориентироваться в местах, считавшихся на штабных картах белыми пятнами. Бывали случаи, когда командир полка уличал проводников-горцев в незнании дороги.

Постепенно баклановские воины втягивались в трудную кавказскую службу, приобретали практические навыки, приучались к неусыпной бдительности.

- Все заметь, - говорил он казакам, - ничего не моги проглядеть, а тебя чтобы никто не видел.

Накануне Пасхи 1849 года Яков Петрович преподнёс своим казакам большой подарок. Разговеться вроде было нечем – старые запасы баранины закончились, а свои стада чеченцы от посторонних глаз хорошо укрыли. Расторопный Бакланов во время Великого поста самолично разведал все тайные тропки и накануне светлого праздника совершил удачную вылазку за скотом.

В этой ситуации горцы были вынуждены думать не о нападении на казачьи станицы и русские поселения, а о том, как бы самим не стать жертвами набега баклановцев.

Обладая удивительной физической силой, железным здоровьем и неутомимой энергией, Яков Петрович, по словам Потто, даже самое короткое время не мог оставаться в бездействии. Не спать несколько ночей, рыская по непроходимым чащобам, для него ничего не значило.

Горячим сторонником активных наступательных действий был учитель Бакланова Григорий Засс. Не дожидаясь пока горцы сподобятся, удалой немец нападал первым, блестяще организовав разведку в тылу врага.

Он был чужд сентиментальности и с примерным усердием истреблял чеченские поселения. А в своих донесениях подробно перечислял отправленных им на тот свет горских вождей (в отличие от сегодняшних реляций эти сведения были чистой правдой), а фразы типа *«сопротивляющиеся вместе с аулом преданы огню и мечу»* встречались там едва ли не каждый месяц.

А что в результате?

Карательные экспедиции, засады, сожжённые аулы, вытопанные посевы, угнанные стада...

В общем-то, русские отплачивали горцам их же монетой...

И лучше всех это в Кавказской армии делали баклановцы.

Вот так.

А куда было деваться несчастным мирным жителям тех аулов? Что им было есть?

И что делать восточным женщинам? Ислам – религия суровая.

Знаменитое «Белое солнце пустыни» – это, в общем-то, одна из нерассказанных сказок Шехерезады...

В реальной жизни оставшиеся без пристанища восточные женщины в подавляющем большинстве кончали самоубийством.

И, попутно, хочется вспомнить: если даже не все, а некоторые русские офицеры вели себя на Кавказе так, как лермонтовский Григорий Александрович Печорин – воровали княжеских дочерей (тем более, у лояльно настроенных к России горцев!) – то, помилуйте, чем вообще занимались царские дипломаты?!

О какой миролюбивой политике могла идти речь?!

Гордиться, тут, собственно, нечем.

Хотя – опытный военачальник, человек государственной мудрости, наместник Кавказа и главнокомандующий войсками граф Михаил Семёнович Воронцов – всегда подчёркивал:

- Нельзя допустить, чтобы солдаты и казаки чинили озорство и жестокость к местному населению. Мы воюем не против народа, а против Шамиля и его мюридов. И если России не удастся подчинить горцев Кавказа, то они попадут под власть тёмного Востока. Персия да Турция принесут сюда дикость, варварство; край будет отторгнут от цивилизации, от просвещения.

Ну, в общем, *a la guerre comme a la guerre* – на войне как на войне.

С 1845-го по 1853 год полк Бакланова отбил у горцев 13 тысяч голов крупного рогатого скота и 40 тысяч овец.

Сам Яков Петрович говорил смеясь: *«Оттягать чужое, видно, вложено Богом в нашу казацкую натуру, и уж тут никак не утерпишь».*

Подобную заслугу и заслугой для чести края нашего считать, в общем-то, сложно, но – вот так!

На Кавказе прошли самые жаркие годы его военной жизни.

Начальство было в восторге от достигнутых результатов и не обращало внимания на его партизанщину. За заслуги Яков Петрович награждается орденом Святой Анны II степени и золотым оружием.

Прослышав о славных делах полка, которым командовал подполковник Бакланов, прибыл в Куринское сам граф Воронцов.

Почти неделю дотошно проверяли казачью выучку.

- Хороший полк, господа, - заключил главнокомандующий. *- Я лично доволен результатами проверки.*

- Приходится сожалеть, что нынешней осенью Бакланов уходит от нас, - заметил непосредственный начальник, *- отслужив на Кавказе срок, полк сменяется.*

- Ну что ж, закон есть закон. Его нужно строго блюсти. А вот командира, этого богатыря, не стоило бы отпускать. Вы как, полковник, согласны продлить на Кавказе службу?

- Я – подполковник, ваша светлость, - осмелился поправить главнокомандующего Бакланов.

- Запомните: наместник Воронцов не имеет привычки ошибаться не только в людях, но и в чинах. С сего часа вы – полковник. - Обернувшись к генералу, сказал: *- Отпишите военному министру мою просьбу об оставлении Бакланова на Кавказе.*

В столицу ушло и личное письмо Воронцова военному министру Александру Ивановичу Чернышёву: *«Передайте Государю, что я умоляю Его оставить нам Бакланова. Этот человек дорог нам за свою замечательную храбрость, за свой сведущий ум, за военные способности, за знание мест, где он служит, за страх, который он внушил неприятелю».*

Бакланов был оставлен на второй срок и получил под своё начало 17-й донской полк.

Любовь казаков к своему предводителю была столь глубока, что вместе с ним остались многие командиры и рядовые казаки полка 20-го.

А 17-й полк также вскоре стал образцовым. И снова бои, разведки, засады...

Пришедшие с Дона казаки спрашивали у старых, что за командир Бакланов.

- Командир такой, - говорили казаки, *- что при нём и отца родного не надо. Если есть нужда – иди прямо к нему: поможет и добрым словом, и советом, и деньгами. Простота такая, что ничего не пожалеет, последнюю рубашку снимет и отдаст, а тебя в нужде своей выручит. Но на службе, братцы мои, держите ухо востро: вы не бойтесь чеченцев, а бойтесь своего асмодея: шаг назад – в куски изрубит.*

В 1851 году Бакланов был вызван в крепость Грозную для участия в чеченской экспедиции под руководством князя Александра Ивановича Барятинского.

Якову Петровичу было поручено командовать конницей отряда, что он и проделал блестяще.

Вернувшись в Куринское, он продолжил активные наступательные действия по долине реки Мичик на Гудермес и Джалку.

«Дед» (как называл Бакланова Барятинский) доказал, что с успехом может командовать не только иррегулярной конницей, но и всеми другими родами войск.

Полковник показал себя грамотным командиром, способным к новаторству. Так, в зимнем походе 1852 года, он с блеском применил тактическое новшество, введённое в русской армии много позже, под воздействием уроков русско-японской войны, – отступление пехоты бегом (а не медленным шагом, колоннами, как было тогда принято). В этом бою отряд Бакланова не потерял ни одного человека.

Тогда же по почте (неизвестно от кого) полковник получил весьма понравившийся ему подарок – чёрное шёлковое полотнище с вышитым на нём черепом и костями – этакий пиратский «весёлый Роджер».

Яков Петрович закрепил ткань на древке, превратив её в личное знамя.

Эта художественная композиция, снабжённая многозначительной круговой надписью из «Символа веры»: *«Чаю воскрешения мёртвых и жизни будущего века. Аминь»* – именовалась отныне Баклановским значком. Она стала визитной карточкой отчаянного воина.

Даже у бывалых казаков этот мрачный символ вызывал тягостное чувство, горцы же испытывали просто суеверный ужас.

Один из очевидцев писал: *«Где бы неприятель ни узрел это страшное знамение, высоко развевающееся в руках великана-донца, как тень следующего за своим командиром, – там же являлась и чудовищная образина Бакланова, а нераздельно с нею неизбежное поражение и смерть всякому попавшему на пути»*.

В июне 1853 года Яков Петрович Бакланов был, наконец, назначен на генеральскую должность – начальника всей кавалерии левого фланга Кавказской линии и состоял офицером для особых поручений при Воронцове.

Вскоре началась Крымская война. Часть войск с Кавказа перебросили в горячие районы.

Шамиль непрерывно беспокоил русские пределы, резонно полагая добиться теперь успеха. Но всякий раз Бакланов удачно противостоял вражеским вылазкам и предпринимал ответные походы.

Большой удар по престижу Шамиля он нанёс в конце следующего года – в ответ на набег мюридов уничтожил более 20 чеченских поселений. За это Николай I выразил генералу свою личную благодарность.

С прибытием на Кавказ нового главнокомандующего – генерала от инфантерии Николая Николаевича Муравьёва русские войска переключились на военные действия против Турции. Летом 1855 года Бакланов совершил переход к турецкой крепости Карс. В период борьбы за крепость он устраивал заслоны и засады, участвовал в штурме передовых укреплений и прослыл безжалостной грозой турок.

В ноябре Карс пал. Эта победа позволила России при подписании Парижского мирного договора обменять на турецкий форт-пост захваченный противником Севастополь.

Но вот отношения темпераментного Бакланова с педантичным Муравьёвым не сложились, и вскоре казак отпросился в отпуск на Дон.

В 1857 году он вернулся на Кавказ, где главнокомандующим стал вновь Барятинский. На этот раз Бакланову была поручена должность походного атамана. В основном он занимался административными делами, не участвуя в боевых действиях. В 59-м Яков Петрович стал полным кавалером ордена Святой Анны.

С 1861 года – Бакланов окружной генерал II округа Донского казачьего войска, а в 63-м – направлен в Вильно, где ещё один генерал от инфантерии Михаил Николаевич (брат Николая Муравьёва) собирал войска для похода в восставшую Польшу.

В ночь с 11 на 12 января уже вроде бы погашенное польское восстание снова вспыхнуло по всему краю. Убивали безоружных русских людей, нападали на офицеров и солдат. Хотя на этот раз

усмирение мятежа не было войной (поляки не имели войска), но было рядом стычек, засад и перестрелок.

К лету, когда мятеж начал стихать, в Польшу и прибыл знаменитый донской герой генерал-лейтенант Яков Петрович Бакланов.

В среде поляков это вызвало ужас. Все были наслышаны о его деяниях во время Кавказской войны и готовились к самому страшному.

Но вопреки страшной молве, донец действовал хотя и сурово, но без жестокости, и даже вошёл в конфликт с «вешателем» Михаилом Муравьёвым, проявляя милосердие.

Старый казак бесстрашно ответил на упрёки начальства.

- Ваше превосходительство, - рапортовал он командующему, - я прислан сюда не мстить, а умиротворять. Вы меня можете и под суд отдать, и без прошения уволить, но я вам скажу одно: Сувалкским отделом я управлял от вашего имени, которое всегда чтил и уважал. Целью моею было так поступать, чтобы на имя это не легло никакого пятна. В помыслах моих было ослабить в районе моего отдела толки о русской свирепости...

Пётр Краснов отмечал: *«Самому Якову Петровичу не пришлось с тяжёлою шашкою в руках водить казаков на поляков. Их шайки были мелки, и убивали они больше из-за угла, а не в честном бою. Жители боялись и уважали Бакланова, а вскоре и полюбили прямодушного и честного донского казака. Шайки бунтовщиков, видя безуспешность мятежа, грабили несчастных крестьян и сжигали их дворы... И тут Бакланов умелыми действиями смирил поляков. К ноябрю месяцу мятеж затих. Бакланов с казаками не только усмирил бунтовщиков, но заставил жителей уважать русских начальников и преклониться перед могущественным и справедливым русским Царём...»*

За польскую кампанию миротворец Бакланов получил свою последнюю награду – орден святого Владимира II степени.

К тому времени железное здоровье Якова Петровича пошатнулось, открылись старые раны и болезни.

Хотя ему всего было 55 лет, но жизнь прошла в постоянных походах и боевых тревогах – год за два. Зимой 1864 года Бакланов отпросился в отпуск на Дон. Но на Дону он заболел воспалением лёгких. Перемогаясь, вернулся в Вильно и продолжал командовать расположенными в Польше донскими полками.

С 67-го года Яков Петрович доживал свой век в мрачном Петербурге, написал небольшие по объёму воспоминания «Моя боевая жизнь» и до конца своих дней так и не получил представления о роскоши и достатке, которые должны сопровождать существование отставного генерала. Жил он только на пенсию.

Приезды друзей-однополчан несколько скрашивали его скучное существование.

В 1873 году не стало казака-богатыря.

Так как богатств отставной генерал не накопил, то похоронили его в столице на средства Войска Донского. Казаки собрали деньги и поставили на могиле любимого начальника (по проекту скульптора Н. В. Набокова) выразительный памятник: на гранитную скалу наброшены кавказская бурка, шашка, папаха. Под папахой лежит знаменитый «Баклановский значок» – гроза Большой и Малой Чечни. Под значком – венчик.

На постаменте – названия всех тех местностей, где сражался Яков Петрович.

В 1909 году, 15 марта, в день 100-летия со дня рождения героя – и в Новочеркасске, возле войскового собора, и в Петербурге, на могиле Бакланова – торжественно служили панихиды.

Его родная станица Гугнинская стала Баклановской.

А 17-й Донской казачий полк получил имя в честь прославленного однополчанина. А своим знаменем полк почитает тот самый знаменитый чёрный флаг, с которым не расставался Яков Петрович.

В Донском Императора Александра III кадетском корпусе учредили стипендию его имени. Кроме того, в память отличной стрельбы Якова Петровича был установлен ежегодный розыгрыш «Баклановских призов» за стрельбу из винтовок для офицеров и нижних чинов.

Добрым словом, вечной памятью помянули донцы своего героя и постановили собрать деньги на возведение памятника в Новочеркасске.

Позднее было решено памятник просто перенести в Новочеркасск.

В начале XX века прах героя Кавказа был торжественно перевезён из Северной столицы в столицу донского казачества и захоронен рядом с могилой «вихорь-атамана» Матвея Платова.

К сожалению, интерес к личности Бакланова, как и других кавказских героев, длился чуть более 15 лет. Грянула Октябрьская революция – и имя Якова Петровича было надолго стёрто из русской истории.

При большевиках, неистово жаждавших «расказначить» Дон, память о герое Кавказской войны постарались уничтожить – в схему дружбы народов Бакланов с его методами покорения чеченцев никак не вписывался.

А с его памятника какие-то ушлые комсомольцы содрали и бурку, и папаху, и шашку и бронзовый череп.

Сама усыпальница дважды подвергалась разграблению.

Только 15 мая 1993 года состоялось перезахоронение атаманов. А в 95-м весь монумент восстановили в первоначальном виде.

«Это был человек, богато одарённый мыслью, чувствами. Верный последователь суворовских традиций», - писал современник.

КРЕСТНИК АЛЕКСАНДРА I

*Что жизнь теперь сама? – Толкучий рынок,
Где руки всех в чужих карманах шарят.
Бог с вами, с вашим веком, с вашей жизнью!
Блажен, кто может разуместь возможность
Пустынником жить посреди людей...*

Нестор Кукольник

Останови сегодня любого таганрожца и спроси, кто из русских писателей способствовал развитию города? – и каждый скажет, что ни один из них не радел за Таганрог так, как Антон Павлович Чехов.

Слава писателя Чехова затмила в Таганроге заслуги общественного деятеля Нестора Васильевича Кукольника. Он был забыт. Возможно, несправедливо.

И даже могилы не осталось...

Сегодня уж и не в каждом сборнике поэзии XIX века встретишь это имя. Скорее мелькнет оно в книге о Пушкине – насмешкой над недолговечной модой.

Ведь Кукольник был в таком фаворе, что сравнивали его и с Байроном, и с Пушкиным!

Он при жизни получил 10-томное собрание своих сочинений.

Редактор журнала «Библиотека для чтения» Сенковский считал, к примеру, что Пушкин, как поэт, стоит выше Кукольника, поскольку его стихи нежнее и изящнее, но – *«Кукольник умнее, учёнее, основательнее Пушкина и дельнее его смотрит на вещи»*.

А в начале 40-х годов даже Виссарион Белинский отметил, что «г. Кукольник один пишет в год больше, чем все литераторы наши, вместе взятые». Хотя, количество и качество – вообще-то, не синонимы.

Сам же поэт Кукольник поэта Пушкина относил к числу завистников своей славы.

Впервые они встретились на званом обеде, и новый знакомый показался Пушкину очень порядочным молодым человеком. Только вот что касается талантов... Тут Александр Сергеевич не удержался от иронии.

В другой раз Пушкин якобы сказал о Кукольнике, что в нём жар не поэзии, а лихорадки.

А в письме к Наталье Николаевне так живописал эпизод накануне бала: «...я был в народе, и передо мною весь город проехал в каретах (кроме поэта Кукольника, который проехал в каком-то старом фургоне, с каким-то оборванным мальчиком на запятках, что было истинное поэтическое явление)».

Мог ли Пушкин с его стремлением к простоте и ясности слога всерьёз относиться к поэту, высокопарному до напыщенности? А Нестор Кукольник не сомневался, что поэт – это жрец бога Искусства, и потому изъясняться и мыслить поэту надлежит возвышенно.

И пока возвышенное было в моде – царил.

В февральские дни 37-го он пишет в своём дневнике: «Пушкин умер... он был злейший мой враг: сколько обид, сколько незаслуженных оскорблений он мне нанёс, и за что? Я никогда не подал ему ни малейшего повода. Я, напротив, избегал его, как избегал вообще аристократии; а он непрерывно меня преследовал. Я всегда почитал в нём высокое дарование, поэтический гений, хотя находил его учёность слишком поверхностною, аристократическою, но в сию минуту забываю всё ...»

Теперь Нестор Кукольник решил, что у него больше нет соперников и титул Первого поэта России принадлежит ему.

Но сравнивать эти два имени просто смешно. Ну, ладно бы, ещё – Веневитинов, или – Баратынский!

Виршам Кукольника – до пушкинских, конечно же, как – до звёзд. Тут и говорить нечего. Вот, для примера – фрагмент. «Встреча пароходов». 1836 год. Стихотворение считается одним из лучших:

*Вчера кипело бурно море;
Был смертный тир в его валах
И ветер на бешеных крылах
Гулял на голубом просторе...*

*Зачем сегодня тишина?
Без волн зеркальная равнина;
Как будто ангелом, пучина
Усмирена, усыплена.*

Кукольник приехал в Петербург в 1831 году. Именно здесь пришла к нему литературная слава.

Уже после первых драм «Тортини» и «Торквато Тассо» его имя на слуху. Начинающий писатель становится в столице почти что легендарной личностью – о нём говорят в аристократических салонах, на балах и при дворе. Публика отождествляла поэта с героем его пьесы – бедным, униженным гением, неожиданно и необъяснимо обретающим великую славу.

А когда на сцене Александринского театра в бенефис Василия Каратыгина была поставлена пьеса «Рука Всевышнего Отечество спасла», слава молодого автора признаётся официально!

«Аплодисментам не было конца, - вспоминал очевидец. - Много хлопал сам государь».

Посещение спектакля становится ритуалом благонадёжности и верноподданничества – а за драматургом прочно и навсегда закрепляется ярлык реакционера, прославляющего официальную «народность»; искателя монарших милостей и предводителя «ложно-величавой школы».

Его называли «ура-патриот».

А когда умеренно либеральный редактор «Московского телеграфа» Николай Полевой проморгал высокую оценку самодержца и наголову разгромил эту новую «напыщенную поделку, автор которой впал в недержание лесты», его под жандармским конвоем отправили в Петербург. Давать объяснения: как он посмел в своей статье столь непристойно попать мнение всех?

Журнал был по высочайшему повелению закрыт.

И тут же появилась эпиграмма:

Рука Всевышнего три чуда совершила:

Отечество спасла,

Поэту ход дала

И Полевого задушила.

Эпиграмма принадлежала, по слухам, перу Константина Бахтурина – одного из представителей литературно-театральной богемы, но мнительность Кукольника немедленно приписала её Пушкину.

Тогда Нестор Васильевич не вступился за Полевого. А впоследствии – и за Михаила Салтыкова-Щедрина – Кукольнику поручили дать политическое заключение на повесть «Запутанное дело», и доклад царского любимца оказался таким, что молодого сатирика сослали в Вятку.

В оценке Кукольника выразилось, в частности, презрение к реализму – ведь сам писатель жил в придуманной им России, где люди говорили на неестественно изящном, вымученном языке и вели себя иногда просто смехотворно.

Постепенно ему приходится примириться с фактом неприятия своей особы в кругу Пушкина. Собирается другой круг – начиная с конца 37-го года братья Кукольники (Нестор и Платон) превращают свою квартиру в место многолюдных собраний литераторов, журналистов, художников и актёров.

Время до 1848 года можно считать расцветом славы молодого писателя.

Он именовал себя родоначальником школы русских романтиков, признавая только гениальную триаду – себя самого, художника Карла Брюллова и композитора Михаила Глинку. Эта тройка в глазах современников, действительно, символизировавшая союз трёх искусств (живописи, музыки и поэзии), привлекала к себе внимание многих.

В компании друзей и почитателей Нестор Васильевич открыто провозглашал себя гением, призванным воскресить высокую поэтическую традицию.

Литературно-музыкальные вечера «триумвирата» нередко переходили в обильные возлияния, иногда многодневные, принёсшие его участникам репутацию записных гуляк и пьяниц. Не случайно в петербургском обществе Кукольника прозвали «Клюкольником».

Эти вечеринки, считается – и положили начало русской богеме.

А ещё его частенько воспринимали как личность трагикомическую, и это далеко не всегда связано с какими-то его высказываниями или поступками.

Вот хоть история с портретом.

Писательница Авдотья Панаева оставила такое описание: «Наружность Кукольника была замечательно неуклюжа. Он был очень высокого роста, с узкими плечами, и держал голову нагнувши, лицо у него было длинное, узкое, с крупными неправильными чертами, глаза маленькие с насупленными бровями, уши огромные, тем более бросающиеся в глаза, что голова была слишком мала по его росту».

Но как же так?

«Говорили, что он красавец собой, что многие женщины и девы заочно влюблялись в него и что он был героем самых романтических приключений», - так отзывался о Кукольнике его знакомый Инсарский.

Да и в «Бесах», у Достоевского, героиня романа влюбилась в портрет Кукольника так страстно, что *«даже и в пятьдесят лет... сохраняла эту картину в числе самых интимных своих драгоценностей»*...

Ведь на знаменитом (висящем в «Третьяковке») портрете, Нестор Васильевич выглядит очень симпатично!

Панаева злословила или художник польстил?

Вернее все-таки второе.

Но автором портрета, ставшего известным всей России, был Карл Брюллов. Зачем Брюллов идеализировал Кукольника? Дружеское ли расположение к поэту ослепило его?

Нисколько.

Брюллов рисовал и иллюстрации к отдельным произведениям Кукольника, и карикатуры на самого автора. А вот на холсте черты его лица облагородил, и работой своей остался доволен.

Зато в свете и литературных кругах появился ещё один повод поиздеваться: вот как этого, несурьезного, Брюллов изобразил!

Всё это поневоле отодвигает на второй план то, что внёс в русскую историю писатель Нестор Васильевич Кукольник, хотя и он страдал от цензуры и, собственно, не только славил царей.

Он верно и преданно служил Отечеству. И, возможно, сам свято верил в собственную правоту! Свою позицию конкретизировал так: *«Если царь прикажет – через два месяца акушеркой буду!»* – как всегда, высокопарно. Через край.

Возможно, беда его в том, что и писателя считал он лицом должностным, ставил его рядом с судьёй и пастором.

Но деяния Кукольника остались в истории русской поэзии и музыки. С его именем связано создание либретто опер «Руслан и Людмила» и «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»). Он автор многих романсов и песен.

А ещё выступал как художественный критик и искусствовед и имел отношение не только к теории музыки, но и сам писал ноты.

Короче, напоминал о себе постоянно.

Но публика – дама капризная, с годами её интерес угас.

Хотя не все стихи Нестора Васильевича канули в Лету. В знаменитых «Воспоминаниях» Анны Керн есть страницы и о композиторе Глинке. А в связи с Глинкой – о Кукольнике: *«Он (Глинка) бывал у меня почти каждый день, поставил у меня фортепиано и тут же сочинил музыку на 12 романсов Кукольника, своего приятеля. Когда он, бывало, пел эти романсы, то брал так сильно за душу, что делал с нами, что хотел: мы и плакали, и смеялись по воле его».*

Два романса Михаила Глинки на стихи Кукольника и по сей день считаются классикой. Это – «Сомнение» и «Жаворонок».

Были в его жизни и очень трудные годы. Большого состояния он не имел и вынужден был служить, зарабатывая себе на пропитание. В результате – оказался в двойственном положении: с одной стороны, он – «избранный судьбами» поэт, с другой – чиновник канцелярии Министерства финансов, а затем II-го Отделения императорской канцелярии. Это тяжёлое жизненное положение писателя отразилось и в его произведениях, герои которых – по преимуществу художники, противостоящие всем и вся.

Но, постепенно, Кукольнику удаётся преломить ход событий: во второй половине 30-х годов удача улыбается. Он – главный сотрудник первого в России коммерческого многотиражного журнала «Библиотека для чтения».

Благодаря сотрудничеству в таком журнале, который читала вся Россия, и который по тиражу оставлял далеко позади издания конкурентов (Белинского и других литературных недругов Нестора Васильевича), слава вновь возвращается.

Он активно печатается в «Библиотеке...», без его пьес нельзя представить себе тогдашний театральный репертуар. Литературные гонорары драматурга возросли до таких размеров, что с июня 39-го он вовсе отказался от казённой службы (на которую, правда, вновь определится через четыре года – в канцелярию военного министра).

В конце 30-х годов Кукольник сам пробует силы в издательской деятельности – выходит в свет его «Художественная газета». Он публикует собственные статьи о музыке, живописи, ваянии, архитектуре, театре, гравировальном и медальерном искусстве, резьбе по дереву – вот такая искусствоведческая многогранность.

А по долгу министерской службы – он в постоянных многочисленных и порой длительных командировках практически по всей Европейской части России – от Кишинёва до Астрахани.

Ни загулы, ни литературные занятия не мешали Нестору Васильевичу быть добросовестным чиновником. Он очень трудолюбив и инициативен.

Результаты его работы потом весьма существенно повлияли на экономическое развитие западного Донбасса, особенно после строительства железной дороги Курск – Харьков – Таганрог.

События Крымской войны застают Кукольника в Новочеркасске – он был прикомандирован к штабу Войска Донского – вместе с миллионером Ахиллесом Алфераки, с отцом Антона Чехова Павлом и с ростовским градоначальником Андреем Байковым занимается снабжением действующей армии.

Постепенно, начиная с 50-х годов, Кукольник обращается к социальным вопросам. Вначале робко, потом всё решительнее и злободневнее.

Впечатления от командировок на Юг России весьма впечатляющи. Вот запись в дневнике за 1856 год, сразу по окончании Крымской войны: *«Вместо того, чтобы писать исторические романы и драмы.... я отправился считать кули с мукой и смотреть, только смотреть, искусно ли плутуют и мошенничают люди. Насмотрелся... Я верил русскому патриотизму от души, и восхищался этим великолепным маскарадом. Не знал, что все в личинах».*

Примерно тогда же Кукольник и его друзья содействуют становлению молодых талантов, помогают им утвердиться в искусстве. Назовём лишь фамилии художника Ивана Айвазовского, певца Павла Гулак-Артемовского, гравёра Лаврентия Серякова – список можно продолжить.

Он помогает выкупить из неволи Тараса Шевченко.

В 1843 году Нестор Васильевич решает покончить с одиночеством. В спутницы жизни выбрана лютеранка София Амалия фон Фризен.

А в 57-м году действительный статский советник (чин, кстати, соответствовал генеральскому) выходит в отставку и поселяется в Таганроге – поправить здоровье.

Злые языки утверждали, что он попросту сбежал.

Во-первых, как литератор – столице уже наскучил.

А во-вторых, в свете не жаловали. Из-за женитьбы. Благоверная Амалия Ивановна – бывшая жрица любви из самого обыкновенного публичного дома. Его свадьбу в сатирической и откровенно эротической форме описал «автор не для дам» М. Н. Лонгинов.

Но переселение в провинцию было связано и с честолюбивыми карьерными соображениями, которые он доверил своей зашифрованной рукописи «Новый век».

Оказывается, Кукольник – ни много, ни мало – мечтал стать губернатором одной из южных земель, ну или, хотя бы, градоначальником.

А если бы даже и так?

Он давно собирался посвятить оставшиеся годы переустройству провинциальной жизни; в плане, как он говорил, *«высших служебных соображений».*

Факты остаются фактами.

Для Таганрога он остался деятелем, душевно радевшим за будущее города.

На новом месте Кукольник избирается членом городского мостового комитета, увлекается садоводством и продолжает заниматься литературной деятельностью.

Особенно интересна драма «Азовское сидение». Кукольник – собственно, единственный из русских писателей – обращается к истории казачества и описывает славный эпизод из этой истории. Он создаёт не просто драму, а фактически оперу, к которой сам пишет музыку, заслужившую лестный отзыв Михаила Глинки.

Однако основу жизни в этот период составляет общественная деятельность.

Кукольник не был гласным городской Думы, но выполнял отдельные поручения Таганрогского городского общества. Часть работ выполнена им по собственной инициативе – на общественных началах.

«Как сладко быть человеком», - пишет он другу в письме по приезде в этот отдалённый край Российской империи.

А край этот в то время представлял собой плохо заселённую степь со слабой промышленностью и торговлей. Города немногочисленные. Тот же Таганрог насчитывал 22,5 тысячи человек. Ростов – около 11 тысяч, зато в казачьей станице Вёшенской значилось 16 с половиной тысяч жителей.

Население почти сплошь было неграмотным.

И вот в этом сонном царстве русской провинции появляется столичный энергичный (хотя и отставной) чиновник Нестор Васильевич Кукольник.

Он начинает баламутить местное общество различными прожектами. Пишет статьи о благоустройстве города, улучшении системы управления, развитии промышленности.

Всё это призвано ускорить правительственные реформы.

В борьбе с местной косностью и бюрократизмом Кукольник обращается к столичной администрации. В Петербург летят различные предложения и обоснованные экономические расчёты. Одна из таких записок даже попадает на стол к Александру III, который накладывает высочайшую резолюцию: *«Есть мысли весьма хорошие, но требуют ближайших соображений, чем я прошу заняться неотложно»*.

Заботами Нестора Васильевича в Таганроге появился «Полицейский листок» – прообраз первой таганрогской газеты. Собственно, Кукольник и хотел открыть газету, но удалось выпросить лишь «Листок». Это послужило в конце концов и одной из причин открытия газет не только в Таганроге, но и в Одессе, и в Ростове-на-Дону.

Он вошёл в число учредителей Акционерного общества по постройке нового здания городского оперного театра. И театр построили!

Если не самым первым, то одним из первых поднял на правительственном уровне(!) вопрос о загрязнении Азовского моря.

Он использовал все свои столичные связи, чтобы Южная железнодорожная ветка пролегла через Таганрог. Работа эта увенчалась успехом, и в 1868 году соответствующие договоры на строительство были высочайше утверждены.

В период бурного строительства железных дорог в России – дела весьма денежного – сложилась подлинная железнодорожная мафия. Об этом, в частности, в повести «Моя жизнь» писал Чехов. В воровстве и взятках погрязли тогда многие чиновники, инженеры и даже вельможи в окружении царя. Кукольник пытался с этим бороться.

Он способствовал открытию (в ходе судебной реформы) в Таганроге Окружного суда.

Эти и подобные общественные начинания вызывали массу недовольства у провинциальной знати, что он высмеял в своей последней драме «Гоф-юниер» – тут же, правда, запрещённой.

Хотя даже ненавидевшие Кукольника чиновники были вынуждены признать его заслуги!

А сколько ещё было деяний – не столь масштабных, а сколько проектов – невоплощённых!

Но как бы там ни было, поэт ни разу не пожалел о том, что выбрал Таганрог.

Хотя здешняя жизнь всё более и более превращала его в фигуру трагическую.

К несчастью, жизнь превратилась в борьбу и там, где он не ожидал: прежний хозяин купленного Кукольниковым имения (как выяснилось позже), нарушил закон. Говоря современным языком, прои-звёл самозахват. Кукольник совершая сделку, о том и не догадывался. Судебное разбирательство затянулось на многие годы.

Окончания его новый хозяин не дождался...

Проживи Нестор Васильевич подольше, может, удалось бы открыть и университет, о котором он так мечтал.

Но 20 декабря 1868 года наступила внезапная смерть – он собирался в театр, стало плохо...

Хотя Нестор Васильевич не отличался крепким здоровьем и на Юг перебрался, чтобы подлечиться – по Таганрогу тут же поползли слухи об отравлении.

Подозрение пало на друзей дома – братьев Работиных: врача Пантелеймона и нотариуса Константина. Пантелеймон, кстати, через год женился на вдове Кукольника.

Хотя, по воспоминаниям современников, Амалия Ивановна вроде бы была верной женой и до конца жизни разделяла все тяготы службы Нестора Васильевича, в том числе и длительные командировки.

Возможность отравления Кукольника связывали не только с корыстью или «любовным треугольником». Поминались всё те же злоупотребления на строительстве «железки». В общем, сюжет под названием «убрать свидетеля»...

А родился он 20 сентября 1809 года в Петербурге в семье галицийского словака Василия-Войцеха Кукольника, начальника кафедры Главного Педагогического института. Позднее отца назначили директором знаменитой Нежинской гимназии высших наук князя Безбородко, куда и поступил юный Нестор.

Кукольник-старший преподавал право и естественные науки, в том числе и Великим Князьям, в том числе и будущему императору Николаю.

Достоверно известно, что крёстным отцом поэта был Александр I Благословенный.

За шесть лет обучения Кукольник-младший овладел французским, немецким, польским и латинским языками и приобщился к литературе, сотрудничая в рукописном журнале «Звезда».

Очень рано проявились незаурядные таланты – он удивляет преподавателей и сокурсников своими успехами в учёбе, игрой на фортепиано и гитаре; сочиняет стихи, активно увлекается живописью и историей.

Но из гимназии в 1829 году его выпустили без аттестата как одного из основных обвиняемых по «делу о вольнодумстве», начатом по доносу вскоре после декабрьских событий 1825 года. Поэтому и не сохранились первые литературные опыты – были изъяты при расследовании.

В том же году он начинает преподавать русский язык в виленской гимназии. Как педагог великолепно себя зарекомендовал и даже написал (использовавшийся с большим успехом) учебник по русской грамматике для западного населения.

А потом он уезжает в Санкт-Петербург.

Отечественное литературоведение до сего времени обвиняет Кукольника в *«ложно-приподнятой и выспренно-патетической манере»*. При этом совершенно не уделяется внимания тому, что нового он внёс в русскую литературу.

А ведь даже краткое перечисление говорит о незаурядности этого писателя.

Нестор Кукольник стоит у истоков русской драматической поэмы. Приёмы и мотивы, введённые им в обиход, позднее найдут отражение в творчестве Алексея Константиновича Толстого, Льва Мея и Марины Цветаевой.

Он первым в литературе представил новый тип авантюрно-приключенческого исторического повествования, получившего блестящее воплощение в романах Александра Дюма. Спору нет, у Дюма – это всё супергениально. У Кукольника – намного проще. Но родоначальник – считают критики – он.

Нестор Васильевич выступает предшественником историко-биографического жанра, что позднее получит развитие в романах-исследованиях Дмитрия Мережковского, Юрия Тынянова и Ольги Форш.

В отдельных своих произведениях он впервые поднял тему «лишнего человека» – впоследствии занявшую достойное место в русской литературе.

И ещё – этого писателя надо считать одним из основоположников русской антиутопии. Им в Таганроге написан роман, где персонаж живёт как бы двойной жизнью – то в настоящем, то в вымышленном мире – фантастические явления как бы являются второй стороной действительности, помогают заглянуть в тайники души.

Знаменитое «двойничество», которое с успехом будут тиражировать фантасты XX века.

Об этом – чуть подробнее.

Уже нынешний, XXI век, принёс неожиданную сенсацию, связанную с именем Нестора Кукольника.

Журнал «Чудеса и приключения» опубликовал статью, автор которой – Всеволод Абрамов – утверждает, что ему удалось прочесть хранящиеся в Пушкинском доме зашифрованные рукописи Нестора Васильевича.

Абрамов отмечает, что был просто поражён обилием этих текстов. Они 150 лет пролежали неизвестными в рукописном отделе.

Шифр оказался не здорово сложным, помогли сотрудники института.

Две рукописи имели названия – «Новый век» и «1852 год». Две другие – безымянные – дешифровщик озаглавил сам, исходя из их содержания. Получилось «Таганрог» и «Лупанарий».

Кукольник изобразил «Город будущего», наброски своеобразной утопии вроде «Города Солнца» Томазо Кампанеллы. Но есть и существенная разница.

Если Кампанелла и другие зарубежные утописты проектировали свои детища для бесклассового общества, то россиянин фантазировал в условиях быстро развивающегося русского капитализма, требовавшего радикальных общественных и экономических реформ.

Идея русской перестройки тогда буквально носилась в воздухе. Неслучайно именно в это время Николай Гаврилович Чернышевский писал роман «Что делать?» с утопическими снами Веры Павловны.

Кукольник тоже фантазировал, мечтая создать в Таганроге организацию «Миранда», руководить которой должен был демократический комитет, заседающий в Капитолии. В отличие от Николая Гавриловича Нестор Васильевич подробно подсчитал, в какую сумму обойдётся содержание «Миранды» и какие доходы даст её деятельность.

Перед мечтательным и в то же время практичным взором автора возникает картина прекрасного будущего: строительство железной дороги; металлургических заводов, машиностроительных, стекольных, бумажных, пищевых, текстильных, керамических и многое-многое другое!

Подробно говорится о развитии сельского хозяйства, садоводства, лесоводства, животноводства, рыбоводства; конкретно – о развитии таганрогского порта; о регулярных рейсах в южные города России, а также в другие страны.

Не забыто и культурное строительство – гимназии, университет (в том числе и для женщин), два театра, концертный зал, типографии и издательства на русском и французском языках, церкви разных конфессий...

И самое главное – не забыто и создание борделя, где работа проституток приравнивается к общественно-полезному труду!

В сочинении «Лупанарий» автор эту тему развил. Описано фантастическое государство, расположенное на чудесном острове в Средиземном море. Управляет государством монарх, но не с помощью скучных седовласых министров: в советниках у него – красивейшие женщины разных национальностей, *«наделённые недюжинными управленческими и хозяйственными способностями»*.

А, главное – эротическими.

Все женское население острова состоит из художественно одарённых представительниц древнейшей профессии. Ради них приезжают на остров со всего света самые богатые люди мира.

Благодаря этим дамам и процветает остров.

Довольно-таки разнузданные страсти описаны очень подробно – поневоле возникает мысль: неслучайно, видимо, Нестор Васильевич в своё время женился на проститутке, презрев все правила хорошего тона.

Эти эротические фантазии не были своего рода литературным баловством. В рукописи «Новый век» Кукольник с горечью признавался, что охвачен гиноманией.

Вероятно, то же испытывают многие художники, писатели, режиссёры. Но вряд ли большинство их могло бы вслед за автором «Лупанария» сказать: *«Этот предмет для меня – источник страшных мук воображения, совести и плоти. На этот счёт не могу, не умею вывести убеждения. Одно вижу, что гиномания вредна для здоровья, и этим извиняю гинофобию. Неужели с годами не пройдёт?! Увы!.. Одно меня утешает, что я никогда не посягал на чужих жён, а тем более на невинность...»*

Справедливости ради надо отметить: в рукописи заинтересованно рассматриваются и вопросы политики и международных отношений: высказываются интересные мысли о научно-технических достижениях.

Полицейские в городе будущего действуют электрическими дубинками и применяют приятно усыпляющий газ; суда приводятся в движение какой-то небывалой энергией и т. д.

Со временем новый город Миранда (то есть Таганрог с его окрестностями) должен вырасти в настоящий мегаполис с 65-тысячным населением, где бы места хватило всем – и русским, и англичанам, и французам, и немцам, и евреям, и итальянцам, и грекам, и армянам.

Вот такое странное имя – Кукольник!

Вот такая странная и – даже после смерти – несчастливая судьба: спустя несколько десятилетий, в 1935 году – на светлый праздник Пасху – разорили его могилу.

Нет, против Кукольника вандалы ничего не имели, ни за что ему не мстили. И вообще о нём даже и не думали.

Просто искали клад...

Времена меняются.

Через шестьдесят лет митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир благословил занесение имени Кукольника в памятный синодик для вечного поминовения.

В 1998 году на доме, принадлежавшем Нестору Васильевичу, установлена мемориальная доска – единственная в России. В 99-м местным отделением филателистов выпущена немаркированная открытка с брюлловским портретом.

Стихотворения этого поэта – как жанр – никогда в советское время отдельно не печатались. Изредка проскальзывали отдельные публикации в прессе. Единственное наиболее полное издание – двухтомник «Поэты 1820-1830 годов», 1973 год. Серия «Библиотека поэта».

«Слава Богу, я вышел из литературного омуты так чист по совести, как ни одному из нынешних деятелей, вероятно, не удастся», - писал Нестор Кукольник, решая поселиться в Таганроге.

ИЗ СТАРИННОЙ ДВОРЯНСКОЙ ФАМИЛИИ

*Как Чертковы жили?
Книжки собирали, строили дороги,
Атаманы были и митрополиты.
Родине служили, воевали много,
В дуэлянтах – часты, реже – в фаворитах.*

Сегодня город Чертково расположен на границе с зарубежным государством. С Украиной. Точнее – не на границе, а просто железная дорога делит его на две части: половина в России и половина на Украине! Или – для политкорректности – в Украине.

В Чертково расположен таможенный автомобильный переход из России на Дикий Запад...

Сегодня в этом городе более 30 тысяч жителей.

Район расположен на северо-западе Ростовской области.

Ландшафт – равнинные степи.

Одна из улиц Чертково носит имя Григория Константиновича Петрова. Этот дончанин – один из легендарных 26 бакинских комиссаров

Отсюда же родом вице-президент Академии наук СССР Александр Васильевич Сидоренко.

Дата основания первых поселений на территории нынешнего города точно неизвестна.

Издrevле слобода Маньково, расположенная в долине реки Калитва, была центром обширного района, служившего границей между казачьим Верхнедоньем и украинскими степняками Харьковской губернии.

С востока – казаки, с запада – хохлы. Малороссийские хаты, и казачьи курени.

На таком же интересном смешанном говоре здесь и общаются.

Всё это, в сочетании с вольным, но трудным житьём, сформировало характер населения – трудолюбивого, хлебосольного, открытого.

А, конкретно, граница между государствами проходит по улице с символическим названием – Дружбы Народов. Дома на одной стороне – российские, на другой – украинские.

Сами чертковцы смеялись: *«кухня – в России, спальня – на Украине».*

Через район проходил газопровод «Союз», по которому природный газ поступал в союзные республики и соседние страны соцлагеря. Его строили советские, чешские, словацкие, польские специалисты.

В советское время всегда подчёркивалось, что производственные, деловые, культурные и просто человеческие связи так же неразделимы, как неразрывна дружба народов СССР.

Но, как теперь выяснилось, дружбы у нас не было...

Сегодня в Чертково зреет международный конфликт, а улицу Дружбы Народов называют Улицей контрабандистов.

Потому что – сетуют местные жители – если, живя на украинской стороне улицы, купить на российской стороне мешок комбикорма и отнести его к себе домой, станешь контрабандистом.

Огромный Советский Союз поделили на садово-огородные участки; а до ума ничего, как водится, не довели.

Таможенный украинский пост оказался на российской стороне.

Вот жители Чертково, чтобы попасть домой или на работу, каждый день проходят таможенный и пограничный контроль.

Если пешком ещё как-то украинские пограничники пропустят, то уж на автомобиле – ни в какую.

Нарушаются конституционные права граждан: на свободу передвижения по территории России, на невмешательство в хозяйственную деятельность.

Доходит до абсурда, потому что украинская таможня вообще расположена на российской территории незаконно – сопутствующие документы никогда не составлялись!

Возмущённые чертковцы митингуют, бастуют; созвали собрание и разослали письма губернатору Владимиру Чубу, депутатам областного Законодательного собрания, в региональную прокуратуру. Направили челобитные президентам.

Но не скоро и эта сказка сказывается, и не скоро и это дело делается...

А как на этой земле было раньше? Два века тому назад?

Большинство крестьян не имело своих наделов. Чтобы прокормиться, целые села жили тем, что арендовали землю у местных панов. Волость имела лишь одну больницу на десяток коек, в которой работал один врач, да несколько церковноприходских школ.

Немного встряхнулась жизнь с вводом в эксплуатацию (в конце 60-х годов позапрошлого века для соединения городов Воронежа и Ростова) участка Юго-Восточной железной дороги.

Появились торговцы хлебом и скотом, лавочники, ремесленники, рабочие.

14 августа 1869 года – 140 лет назад – была заложена станция. Вот тогда-то на карте империи и обозначилось новое название – Чертково.

Расстояние до Ростова – 315 километров.

В официальном списке же населённых пунктов Войска Донского Чертково появилось в 1873 году. Тогда, станция, как имеющая XI класс, была оборудована буфетами и книжными и газетными киосками; а сама состояла из каменного пассажирского здания, паровозного здания на двенадцать машин, платформ, резервуара для воды, двух каменных и восьми деревянных домов, бани и подсобных помещений. При станции находилось оборотное депо. Был построен элеватор.

С этого же времени начинается и история связи в районе. В 1871 году при строительстве земляного полотна железной дороги установили столбы с телеграфной линией на два провода.

На всех станциях, в том числе и Чертково, заработал аппарат Морзе.

Постепенно к началу XX столетия возле станции появляется небольшой посёлок: строится больница и железнодорожный вокзал, открывается железнодорожная школа и одноклассное училище.

Весть об октябрьском перевороте, пришедшая по телеграфу, населению осталась неизвестна. Но вскоре появилась газета «Известия» с ленинскими декретами – и забурлила жизнь тихого доселе степного края. На сходе граждан села Маньково беднота и солдаты-фронтовики высказались за Советскую власть.

Коротким был период относительного покоя – всего-то неделю. Выступлением казачьего генерала Каледина началась Гражданская война, а следом двинулись и войска кайзеровской Германии. Несколько раз прокатывался по территории района фронт. Несколько раз менялась власть.

В декабре 1919 года в Чертково вступили красные конники.

В 1920 году в слободе Маньково-Калитвинской Донецкого округа был учреждён центр Леоно-Калитвинского района. 10 января 1934 года – 75 лет назад – его переименовали в Чертковский, с центром в рабочем посёлке Чертково.

После окончания Гражданской войны чертковцы, как и вся страна, приступили к строительству мирной жизни.

К 1935 году в районе было 30 колхозов, 2 совхоза и 2 машинно-тракторные станции (МТС).

Но – наступил июнь 41-го. А через год фронт прошёл уже через весь район. Немецкий «новый порядок» продержался до зимы 43-го.

Боевые действия на Дону были тесно связаны с боевыми действиями наших военных сил на других участках фронта. Освобождение Ростовской области оказалось возможным благодаря трём силам: действиям регулярных советских войск, самоотверженной работе людей в тылу врага и действиям партизанского сопротивления.

Одна из военных операций по освобождению Дона получила условное название «Малый Сатурн». На третий день после начала нового крупного похода Красной армии войска I Гвардейской армии Юго-Западного фронта перешли в наступление общим направлением Чертково – Миллерово.

Враг оказывал упорное сопротивление, стремился закрепиться в населённых пунктах, переходил в ожесточённые контратаки. И особенно кровопролитными были бои за Чертково.

Стояла задача: освободить посёлок, пересечь железную дорогу и начать освобождение Украины.

Вот как написал об этих боях Иван Сергеевич Кучин, бывший воин 35-й Гвардейской стрелковой дивизии:

*По балке узенькой Чертково
Тропюю тысячи смертей
Ползли и отступали снова
Все долгих двадцать девять дней.*

*В снегу, в бинтах, промокших кровью,
Мы штурмовали этот ад.
...По мне, сравниться с этим может,
Наверно, только Сталинград.*

Семеро сыновей чертковской земли – М. И. Быковский, В. И. Коробкин, И. П. Сарана, И. М. Удовиченко, И. Г. Улитин, А. В. Флоренко, Г. И. Чаговец – стали Героями Советского Союза. Почти пять тысяч воинов награждены орденами и медалями.

Партизаны района во время массового изгнания фашистов с Донской земли зимой 1943 года устроили 17 серьёзных аварий вражеских поездов с техникой и живой силой. В фашистском тылу в сложных условиях открытой степной местности действовали партизанские группы С. А. Прокватило, П. Н. Шлыкова, капитана Клыпы и другие.

Женщины хутора Бакай спрятали и вылечили тяжелораненого бойца Фёдора Полетаева, ставшего впоследствии Героем Советского Союза и национальным героем Италии.

Те дни ушли в прошлое, но люди сохранили память о своих защитниках и освободителях. Почти в каждом селе, во многих хуторах остались вехи тех событий – памятники павшим. Например, располагался здесь лагерь военнопленных, строивших узкоколейку от Шелестовки в сторону Богучара.

Но есть один, не похожий на другие.

Из кирпича сложен обелиск со звездой. На белой штукатурке выдавлен рисунок – раненый воин с автоматом зовёт в атаку.

...В селе Семёно-Камышенка оказался раненый лейтенант Владимир Стрижаков, его подразделение попало в окружение. Молодая колхозница Полина Копачёва его спрятала, лечила, сохранила оружие.

Владимир сумел собрать радиоприёмник. Стали регулярными сводки Совинформбюро. Это поддерживало дух хуторян. Но нашёлся предатель.

После пыток гитлеровцы Стрижакова расстреляли, а Копачёву повесили во дворе дома на глазах родных.

В 1967 году сельчане собрали средства на памятник героям. Кто-то из местных умельцев начертил эскиз – так и сложили из кирпича. Рисунок по сырому цементу нанёс местный художник.

Пусть этот обелиск не выглядит профессионально исполненным, но для хуторян очень дорог. Потому что сделан со святым чувством любви и благодарности.

В книге «Малый Сатурн» описывается существование так называемого Арбузовского котла, где была разбита 8-тысячная итальянская группировка войск.

... Это было в суровую зиму 43-го. В районе сёла Арбузовка. Во избежание большого кровопролития комиссар Емельян Алексеевич Лисичкин пошёл на переговоры во вражеское расположение (где было скоплено 20 тысяч войск) с целью сагитировать их сдаться без боя. Несколько раз он выезжал под белым флагом, безоружный в гущу врага.

И ему удалось уговорить несколько тысяч(!) итальянских солдат и офицеров сдаться в плен.

Но в одну из таких поездок эсэсовцы предательски убили его. Память о героическом подвиге комиссара и по сей день живёт в народе.

В селе Маньково покоится прах известного советского писателя Евгения Петрова (один из создателей бессмертного Остапа Бендера), трагически погибшего в июле 42-го при выполнении боевого задания.

Разбился самолёт.

У Петрова не было никаких повреждений кроме перелома височной кости. Местные жители перевезли раненого в госпиталь – рядом, на хутор Филипповский. Фельдшер сделал всё, что смог, но спасти Евгения Петровича не удалось.

Здесь, на хуторе Гусево его и похоронили, а в 1952 году прах перенесли на площадь центрального села Маньково.

Символом подвигу павших при защите посёлка Чертково стал сооружённый в 1967 году памятник «Скорбящая мать»

Монумент выражает безмерную скорбь всех матерей, в том числе и чертковских, о своих сыновьях, отдавших молодые жизни во имя счастья всех живущих.

В братской могиле покоится 1457 воинов, павших смертью храбрых при освобождении посёлка от немецко-фашистских захватчиков суровой зимой 1942/43 года.

На постаменте надпись: *«Спокойно спите, Родины сыны, потомки чтут и множат вашу славу».*

16 января 1943 года войсками 1-й гвардейской армии Юго-Западного фронта рабочий посёлок Чертково был освобождён.

Ущерб, причинённый врагом, составил 134448 тысяч рублей.

Но выжила, выстояла чертковская земля.

А заботливые руки человека сделали её ещё богаче и краше.

Главные отрасли в сельском хозяйстве района – растениеводство и животноводство.

Одними из первых в области чертковцы построили высокопроизводительный комбикормовый завод – межхозяйственное предприятие, автоматизированный откормочный комплекс «Восход» на 18 с половиной тысяч поставочных мест, межколхозное объединение по откорму крупного рогато-

го скота «Северное»; первыми на севере области начали внедрять кормовую культуру сорго, и осваивать индустриальную технологию возделывания пропашных.

В послевоенные годы в районе начинают развиваться и средства связи: радио и телефон, в домах появились «голубые экраны».

Сегодня сельское хозяйство района объединяет 28 сельскохозяйственных предприятий, специализирующихся на выращивании зерновых и кормовых культур, на мясо-молочном производстве.

Так же в районе имеется 106 фермерских хозяйств.

Промышленность представлена пятью предприятиями, в том числе комбинатом строительных материалов, маслозаводом, мясокомбинатом, горпищекомбинатом, Алексеево-Лозовским ремонтно-транспортным предприятием.

В районе действуют 35 общеобразовательных школ, более 25 библиотек, 26 сельских домов культуры. С 1978 года ведёт подготовку специалистов массовых сельскохозяйственных профессий профессионально-техническое училище.

Чертково очень перспективно в плане строительства жилья и продажи недвижимости.

К Олимпиаде 2014 года Северо-Кавказская железная дорога собирается построить новую ветку Чертково – Батайск, скорость движения поезда по которой может составить 200 километров в час. Об этом сообщил начальник СКЖД Владимир Голоскоков.

По его словам, перед Российскими железными дорогами поставлена задача обеспечить скоростное пассажирское движение из центральной части страны к местам проведения олимпийских соревнований.

Строительство нового участка, в совокупности с модернизацией других веток на направлении Центр – Юг позволит значительно увеличить скорость пассажирских поездов. *«Сейчас из Москвы в Сочи можно доехать за 25 часов, к 2014 году время в пути сократится до 15 часов»*, - подчеркнул Голоскоков.

Вот такой он, нынешний северный город нашей области, бывший посёлок, бывшая слободка.

Один из немногих, обязанный своим появлением на свет одному человеку – известному царскому сановнику генерал-адъютанту графу Михаилу Ивановичу Черткову, владевшему когда-то в здешних местах немалыми землями.

Подарены они были его предкам императрицей Екатериной II за усердие в службе Богу, Отечеству и ей самой – Екатерине Алексеевне – лично.

Так вот, ещё задолго до великой революционной смуты патриот Чертков совершенно безвозмездно позволил проложить по дарёным своим землям государственную железную дорогу. То есть, он эту дорогу построил.

То ли это зачтено было и новой властью, то ли некие (контролирующие географические названия) организации попросту прошляпили, но графская фамилия так и осталась на донской земле.

В старинном дворянском роду Чертковых, основателями которого стали ещё в XVI столетии воеводы Василий Иванович и Гаврило Иванович, были митрополиты, фавориты императриц, генералы, губернаторы, командармы, казацкие атаманы, записные дуэлянты, проходимцы и «просто хорошие люди»...

Герой нашего рассказа Михаил Иванович Чертков на своём долгом жизненном пути был и боевым офицером, покорявшим Чечню; и военным и гражданским губернатором в Воронеже, Киеве и Варшаве; и наказным атаманом войска Донского; и командующим Киевским, а затем и Варшавским военным округом; и членом Государственного совета.

Имел очень производительную дипломатическую карьеру в суде. Был постоянно замечен в окружении Александра II. И был – не последним лицом в свите последнего русского царя.

Участник Крымской и Кавказской войн.

Одни биографы называют его чванливым и заносчивым, другие – описывают как честного и внимательного человека.

Наверное, правы и те, и эти.
На царской службе приходится быть разным.

Во всяком случае, именно он открыл в Воронеже общественную библиотеку и Мариинскую женскую гимназию.

Родился Михаил Иванович 2 августа 1829 года в Санкт-Петербурге в семье шталмейстера графа Ивана Дмитриевича Черткова. Мать – Елена Григорьевна – из не менее знатного рода Строгановых.

Образование Миша Чертков получил в Пажеском корпусе. По окончании, в 1848 году, надел мундир корнета лейб-гвардии Конного полка и в следующем году принял участие в походе к западным границам России по случаю Венгерской войны.

Через три года – уже поручик, а в 1854 году назначен ординарцем при командующем Гвардейским и Гренадерским корпусами Наследнике Цесаревиче Великом Князе Александре Николаевиче.

Во время Крымской войны был в составе войск, охранявших побережье Балтийского моря от возможного десанта англо-французов. За отличие при отражении вражеской бомбардировки крепости Свеаборг награждён орденом Святой Анны III степени.

Летом 1856 года ротмистр Михаил Чертков – в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией князя Александра Ивановича Барятинского.

С 30 апреля 1858 года, уже в звании полковника, командовал Куринским пехотным полком; был в многочисленных стычках и перестрелках с горцами.

Во главе своего отряда принимал деятельное участие в захвате аула Ведено и за ряд отличий и распорядительность в ходе этой труднейшей операции получил ещё один орден – Святого Георгия IV степени.

Сохранилась по этому поводу запись: *«В воздаяние за отличие в деле при ауле Ведень, 8 Февраля 1859 года, где, начальствуя 4-мя батальонами, под сильнейшим огнём неприятеля, сбил Горцев с гребня Декен-Дукских высот».*

Вскоре Куринский полк был переведён на Кубань и вошёл в состав Шапсугского отряда. Особо действия куринцев и их полкового командира были заметны при штурме аула Кабаниц в начале мая. После этой операции куринцев возвратили в Чечню, и в сентябре они отличились при штурме аула Беной.

Осенью 1860 года Михаил Иванович получил погоны генерал-майора Свиты и зачисление по армейской пехоте с увольнением от должности командира полка.

В начале следующего года его откомандировали в Новгород для объявления Манифеста об освобождении крестьян, а потом, с этой же целью, назначили Воронежским военным губернатором.

На его долю выпало как осуществление реформы, так и борьба с дореформенными порядками, то есть – подавлять постоянно вспыхивавшие народные бунты.

После различных казённых переездов по просторам матушки-России и смены ряда должностей в марте 1868 года генерал Чертков становится наказным атаманом и управляющим областью Войска Донского.

На годы его правления пришлось разрешение донским дворянам срочные земельные участки обратить в полную потомственную собственность с правом отчуждения её по своему усмотрению. Этот закон сыграл положительную роль в развитии экономики Дона, так как позволил зажиточной части иногородних приобрести землю у помещиков в свою собственность.

В 1869 году был принят закон, облегчивший условия и расширивший возможности вступления станичников в «Общество торговых казаков», что существенно сказывалось на развитии донской торговли.

На время атаманства Черткова пришлось великое для дончан торжество: празднование 300-летнего юбилея Донского казачьего войска.

3 января 1870 года атаман от имени Войска получил юбилейное Георгиевское знамя.

Страна пышно отгуляла эту дату.

По свидетельству очевидца, *«это был великий праздник для Дона. Шло гулянье, весь народ стекался к Дону, где у каждой станицы были устроены арки, увитые цветами, везде развивались знамёна».*

В торжествах приняли участие представители царской фамилии.

К слову – скоро Донскому казачьему войску исполнится 440 лет. В условиях кризиса на сверхпышные празднества денег, само собой, нету. Будем надеяться, повезёт с 450-летием.

А ещё атаман контролировал исполнение высочайше утверждённого летом 1871 года Положения о регалиях и старшинстве войсковых частей, в том числе и донских казачьих.

Во время русско-турецкой войны генерал-адъютант Чертков сопровождал императора Александра II в Кишинёв и в действующую армию.

В 1877 году Михаил Иванович получил новое назначение. Он стал исполняющим обязанности Киевского генерал-губернатора, так как его предшественник – князь Дондуков-Корсаков был вызван в Болгарию с дипломатической миссией – русский государь собирался посадить его на болгарский престол.

Остались сведения, что в Киеве Чертков воевал со всем украинским, грозился сжечь «малоросские рассадники»; как административный самодур прославился чрезвычайной чёрствостью в отношении к подчинённым.

И через четыре года из Киева его просто «ушли», назначив членом Государственного совета.

За что же конкретно?

История просто-таки в назидание нынешним коррупционерам – за то, что купил в Кагарлыке бывшее владение польского графа Яна Тарновского. А согласно царскому указу *«На приобретение госчиновниками владений во вверенных им губерниях»*, администраторам запрещалось покупать недвижимость в своих вотчинах – дабы даже соблазна не было использовать служебное положение.

Считается, что «спалила» Михаила Ивановича жадность супруги Ольги Ивановны – именно она вопреки запрету страстно желала прикупить старинный замок в Кагарлыке.

Эта роскошная усадьба после «избиения поляков», была подарена Екатериной II министру юстиции Трошинскому. При нём здесь выстроили церковь, двухэтажный дворец, упорядочили сад, установили на его территории более 700 (!) копий знаменитых скульптур.

В усадьбе гостил император Николай I, побывал Гоголь...

Сын Трошинского Дмитрий основал в Кагарлыке сахарный завод, но дела его пошли плохо, он обанкротился, имение продали с публичных торгов. Новые хозяева – братья Мясниковы также не смогли сохранить усадьбу. Её выкупил Земельный банк, перепродал в 1875 году чете Чертковых.

Ольга Ивановна сделала усадьбу закрытой для свободного посещения.

Со временем разразился скандал, и в Киев для разбирательства приехал сенатор Половцев.

Тут же появилась эпиграмма:

Ольга избавила Киев от половцев.

Избавит ли Половцев Киев от Ольги?

Избавил.

Киевляне вообще губернаторшу «чертковку-чертовку» недолюбливали.

Злые языки утверждали, что для губернаторши муж – просто мальчик на побегушках.

Что представляла собой эта дама?

Ольга Гулькевич-Глебовская происходила из выкрестов и была замужем за штаб-ротмистром Андреем Верещагиным. У Андрея и Ольги рос сын Василий.

Чертков быстро разрушил эту маленькую семью.

Очень яркая, обаятельная женщина, обладавшая при этом (в сочетании с красотой) редким женским даром – острым умом, весьма понравилась Волынскому военному губернатору. То, что был старше на 11 лет – не остановило.

Он очаровал госпожу Гулькевич-Глебовскую и усыновил её сына.

Фамилию свою девичью она сохраняла всю жизнь, хотя именовали её и Верещагиной, и Чертковой...

Потом у Чертковых родились девочки – Елена и Татьяна. Обе удачно вышли замуж. Первая стала супругой графа Ивана Толстого – обер-церемониймейстера и директора императорского Эрмитажа. Вторая – супругой камергера генерал-лейтенанта князя Николая Гагарина.

В воспоминаниях Салтыковой (невестки Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина) упоминается и Ольга Верещагина. Она ещё была жива и потому не названа по имени: *«В числе моих воронежских знакомых была весьма красивая особа, легкомысленно обвенчавшаяся в первый раз со скромным «становым», но затем поправившая ловко непростительную ошибку, вышедши за богатого аристократа, занимавшего высокое служебное положение».*

После скандальной истории с поместьем чета перебралась в Варшаву – Чертков стал тамошним генерал-губернатором – такая почётная ссылка.

Однако в 1883 году Михаил Иванович вновь оказался в фаворе, в день коронации императора Александра III он получил чин генерала от кавалерии.

Обласканный новым государем Николаем II, он отправился командовать войсками Варшавского военного округа. В беспокойное время февраля 1905 года отозван и назначен состоять при особе его величества.

Осенью 1905 года Чертков уехал за границу лечиться, но 19 октября его жизнь оборвалась.

Овдовевшая Ольга Ивановна возвратилась в Киев и поселилась в своём кагарлыкском имении. Она пережила мужа на семь лет.

Со временем многострадальной усадьбе графов Тарновских совсем не повезло. В 1918 году её разорили кайзеровские войска, а гитлеровские – погубили окончательно.

Вот уже более 40 лет здесь расположен стадион...

...Генеалогическое древо старинного дворянского рода Чертковых имеет такую обширную крону, что человеку непосвящённому в ней можно заплутаться.

Чертковы возводили сахарные заводы, жертвовали на строительство деревянных школ и кадетских корпусов, были меценатами.

А ещё строили железные дороги и отпускали крепостных.

Род очень интересный.

Если судить по дореволюционным иерархическим меркам, лучшую карьеру сделал герой нашего повествования Михаил Иванович.

Дед Михаила Ивановича – Василий Алексеевич – был Азовским губернатором. От матушки Екатерины получил бриллиантовый перстень за проект постройки оборонительной крепости. С его именем связывают перевод комедии Ж.-Ж. Руссо «Кофейный дом». Вот после ликвидации Запорожской Сечи именно Василий Чертков и получил те 16 тысяч десятин бывших малороссийских земель.

В правление царевны Софьи отметился митрополит Сарский и Подонский Варсонофий (Василий Григорьевич).

Лихой казак Евграф Александрович – один из ближайших пособников Екатерины II при её воцарении.

Если говорить о степени мировой известности, конечно, прежде всего вспоминается имя Владимира Григорьевича, литературного секретаря и друга Толстого, о котором говорили, что он *«толстовец больше, чем сам Лев Николаевич»*.

Самым известным в истории России стал дядя героя нашего рассказа Александр Дмитриевич – тайный советник, председатель *«Московского общества истории и древностей российских»*, известный нумизмат, археолог, меценат, основатель Чертковской библиотеки.

Один из образованнейших людей своего времени – хотя не учился ни в гимназии, ни в университете, а познания приобрёл неустанным самообразованием.

Историк П. И. Бартенёв писал о нём: *«...сосредоточенный, молчаливый, порой чудной на вид, он скромно, но постоянно и неуклонно следовал по однажды избранному пути, так что многие его знакомые, встречаясь с ним в светских кружках, вовсе и не подозревали в нём многосторонней учёности»*.

В молодости Александр Чертков был одним из организаторов московского ополчения и участвовал в заграничных походах, в сражениях под Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом. В 1822 вышел в отставку и два года прожил за границей, изучая историю и археологию Европы.

Вернувшись в Россию, некоторое время занимался естественными науками, а с 30-х, поселившись в Москве, увлёкся изучением родного края и собрал богатейшую библиотеку по истории России.

Её называли «легендарная «Россика».

А потом сын Григорий по завещанию отца подарил эту роскошную коллекцию Москве.

С 1863 при библиотеке стал издаваться журнал «Русский архив». Здесь Бартенёв помогал Толстому писать «Войну и мир» – консультировал по историческим фактам.

Здесь философ-бессеребренник Николай Фёдоров – на службе библиотекарем – раздавал своё жалование бедным студентам.

Заходили Василий Жуковский, Михаил Щепкин и Михаил Загоскин.

Рассказывают, что именно здесь обнаружили спящего Гоголя, после того, как он сбежал с премьеры «Ревизора».

В мае 1836 года у Александра Дмитриевича побывал Пушкин – в свой последний приезд в Москву. Обедал у Черткова и осмотрел его уникальное книжное собрание.

Поэт писал жене: *«Недавно сказывают мне, что приехал ко мне Чертков. Отроду мы друг к другу не езжали. Но при сей верной оказии вспомнил он, что жена его мне родня, и потому привёз мне экземпляр своего «Путешествия в Сицилию». Не побранить ли мне его по-родственному?»*

Так что, по какой-то женской линии, Чертковы и Пушкины состоят в родстве. Хотя, возможно, вообще все дворяне – родственники.

Сегодня Чертковское собрание составляет часть фонда Государственной Исторической библиотеки.

А ещё Александр Дмитриевич слыл либералом, активно поощрял участие крестьян в промышленной и торговой деятельности. И он трижды – в 1831, 34-м и в 41-м годах – отпускал своих крепостных на волю.

В 1844 году из глухой воронежской деревни в Таганрог приехал вместе с семьёй крестьянин Егор сын Михайлов.

Дела у него, судя по всему, шли неплохо – сумел выкупить на волю всю свою семью – шесть душ. За каждую – 700 рубликов. Не хватило на одну дочку.

Александр Дмитриевич подумал-подумал и махнул рукой: *«Так уж и быть, бери в придачу...»*

Бывший крепостной Егор сын Михайлов – дедушка будущего гениального драматурга – Антона Павловича Чехова.

Так что, спасибо дворянскому роду Чертковых.

А с недавних пор имя Михаила Ивановича Черткова носит и местная художественная школа. В мастерских все по-настоящему увлеченно заняты делом. Стены плотно завешаны работами учеников. Графика, акварель, пастель, гуашь, масло... От большинства работ глаз не оторвать.

Просто не верится, что многим авторам нет ещё и десяти.

- *На 130-летие нашего посёлка*, - рассказывает директор Антонина Дмитриевна Данько, - *к нам приезжали потомки графа из девяти стран дальнего зарубежья. А его внучатый племянник Николай Сергеевич, преподающий в Вашингтоне французский язык, даже дважды побывал на наших занятиях. Он и разрешил дать школе это имя.*

«*Наше общее желание*, - говорил когда-то Михаил Иванович, - *это – чтобы наше славное казачество сохранилось и укрепилось на долгое время во веки веков*».

Вот такие были на Дону три генерала.

*

СЛОВАРЬ

Аргамаки, ахалтекинцы, кабардинцы, карабахи – породы восточных лошадей.

Выкрест – еврей, принявший православие.

Гиномания – чрезмерно повышенное влечение к женщине.

Гинофобия – женобоязнь.

Имам – духовный глава.

Иррегулярный – не входящий в состав регулярной армии.

Лупанарий – публичный дом в Древнем Риме.

Мюрид – мусульманин, посвятивший себя духовному совершенствованию во имя сближения с Богом.

Наиб – управляющий округом или провинцией.

Пеглеван – богатырь, борец.

Реляция – донесение о военных действиях.

«Символ веры» – православная молитва.

Суфийский орден – религиозно-мистическое течение в исламе.

Цейхгауз – военная кладовая.

Чекмень – офицерский мундир.

Шанцевый инструмент – механизм, предназначенный для выполнения вручную инженерных работ.

Шталмейстер – заведующий царскими конюшнями.

Штуцер – нарезное ружьё.

Якши – хорошо.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Абрамов В. Слухов об отравлении Кукольника ходило много... // Чудеса и приключения. – 2002. – №. 2. – С. 35.

Астапенко М. Донские казачьи атаманы. Ростов н/Д, Гефест, 2002.

- Белоконь Л. Посёлок Чертково – особая точка. // *АиФ-на-Дону*. – 2008. – № 33. – С. 14.
- Венков А. Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. М.: Вече, 2008.
- Военный Энциклопедический Словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1986.
- Головина Л. Только однажды он её поцеловал. // *Чудеса и приключения*. – 2004. – № 3. – С. 35.
- Жуковская Н. Из Америки с любовью. // *Ять*. – 2002. – № 10. – С. 26.
- Историческая энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1974.
- Казачья сотня: Краткие биографии ста деятелей казачества. Вып. 1. М.: Воениздат, 1996.
- Картины былого Тихого Дона: Краткий очерк истории войска Донского. М.: Граница, 1992.
- Керн А. Воспоминания. М.: Молодая гвардия, 1986.
- Ковалевский Н. История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII – начала XX века. М.: Воениздат, 1997.
- Корольченко А. Казак из казаков. // *Молот*. – 2005. – 7 июня. – С. 4.
- Краснов П. Воспоминания. М.: Вагриус, 2008.
- Литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1967.
- Луночкин А., Михайлов А. Григорий Засс и Яков Бакланов. // *Родина*. – 1994. – № 3. – С. 91.
- Люди земли Донской. Ростов н/Д, Омега-Принт, 2008.
- Каминская М. Тайна поэта. // *Наше время*. – 2005. – 24 июня.
- Никитенко А. Мемуары. М.: Грани, 1999.
- Николаенко А. Нестор Васильевич Кукольник. // *Дон*. – 2000. – № 7/8. – С. 137.
- Потто В. Кавказская война. М.: Центрполиграф, 2006.
- Поэты 1820 – 1830 годов. Библиотека поэта. В 2 т. М.: Художественная литература, 1973.
- Сазачкина Е. Как на Дону – на Доне... // *Кочевье*. – 2007. – 17 ноября. – С. 4.
- Смирнов В. Дед по прозвищу Даджал. // *Чудеса и приключения*. – 2002. – № 10. – С. 50.
- Туроверов Н. Юность Бакланова. // *Лит. Россия*. – 1993. – № 44-45. – С. 22.
- Федорченко В. Свита Российских императоров. Т. II. М.: Наука, 2005.
- Шилов Д., Кузьмин Ю. Члены Государственного совета Российской империи. 1801 – 1906: Биобиблиографический справочник. СПб.: Белый город, 2007.
- Шолохов М. Тихий Дон. Ростов н/Д, Кн. изд-во, 1999.

<http://armyru.ru/forums/viewtopic.php?t=95>

http://bratishka.ru/archiv/2005/8/2005_8_11.php

<http://chertkovo.boom.ru/>

http://fstanitsa.ru/gla_baklanov.shtml

<http://hronos.km.ru/biograf/baklanov.html>

http://pohodd.ru/article_info.php?articles_id=24

<http://ruspeople.clow.ru/page/020.htm>

<http://www.don-history.ru/index.php?option>

http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=120&n=7

<http://www.kv.com.ua/archive/8607/kyiv/8651.html>

http://www.ourt.ru/rubrika2.php?row_id=1529

<http://www.peoples.ru/military/general/baklanov/>

<http://www.profile.ru/items/?item=8273>

<http://www.rcio.rsu.ru/webp/class3/potok97/Zadorognyaya/index.htm>

<http://www.rcwww.yugmedia.ru>

<http://www.telegrafua.com/409/history/8461/print>

http://www.vch.ru/cgi-bin/guide.cgi?table_code=15&action=show&id=2625

Книга «Для чести края нашего» рассказывает о жизненном пути трёх замечательных представителей Донской земли – Якова Бакланова, Нестора Кукольника и Михаила Черткова.